Корректировщик. Блицкрига не будет!

Автор:
Георгий Крол

Корректировщик. Блицкрига не будет!

Георгий Крол

Военно-историческая фантастика

Любой, кто носил голубой берет, знает – бывших десантников не бывает. Егор Доценко, выпускник РВДУ имени Маргелова, уволенный из армии в период развала Советского Союза, угодив в прошлое за год до начала Великой Отечественной войны, с жаром берется за тяжелую работу – обучение молодых бойцов современным тактическим приемам. Его цель – предотвратить страшный разгром Красной Армии летом 41-го года, не дать войне поглотить миллионы жизней советских людей. Батальон майора Доценко становится образцом для создания новых подразделений.

И когда Вермахт нападет на СССР, его встретит не колосс на глиняных ногах, а тяжелый танк, о мощную броню которого разобьется немецкая «проклятая

орда»!

Георгий Крол

Корректировщик. Блицкрига не будет!

© Крол Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

1

Это был самый идиотский Новый год в моей жизни! На полном серьёзе! Ну, во-первых, я встречал его в поезде… Во-вторых: в компании очень прикольного дядьки, которого встретил там же. Короче, «полный аллес»! А ведь всё должно было быть совсем иначе. Весело, но торжественно. Ещё сегодня, то есть вчера, утром 31 декабря, мы, я и Галина, собирались на праздник к её родителям. Где и намеревались сообщить о будущей свадьбе.

А сейчас я сижу в пустом купе и пытаюсь осмыслить происходящее. Тишина в вагоне говорит о двух вещах: почти полном отсутствии пассажиров (ну какой чудак едет, куда бы то ни было, в новогоднюю ночь) – раз. И о полной отключке тех, кто всё-таки решился на это безумие – два. Мой ночной собутыльник сошёл где-то в Подмосковье, а поезд вот-вот прибудет на Киевский вокзал города Москвы.

Ну, приехали, блин. Это не о поезде, а о состоянии души. Нет, встречать Новый год за стаканом чая, ведя разговор о Великой Отечественной войне – это, доложу вам, что-то особенное. А начиналось с того, что в шесть, а может, в половину седьмого вечера, я поздравил с «наступающим» мебель в своей гостиной, подхватил куртку и шапку и рванул на вокзал. Ехать было всё равно куда, и в 21.00 я отправился в Москву. На границе Украины с Россией началось веселье. Надо было слышать, КАК я объяснял таможенникам, куда еду в такую ночь ВООБЩЕ без вещей и багажа.

Благо перед этим они неплохо «загрузились» в двух первых купе, где бузила компания, решившая именно так встретить Новый год. У тех, правда, всё было путём – водка, шампанское, закусь и прочее. Потом был дядька, ехавший в срочную командировку. Ну и я. Справедливо решив, что тут собрались явно «двинутые» люди, таможня, почти спокойно, дала «добро». Под словом почти имеется в виду купюра в 50 баксов. Деньги я всё-таки прихватил, додумался. Под штуку баксов, пару тысяч рублей и столько же гривен, авось пригодятся.

Вот после таможни «командировочный» товарищ и постучался в мою дверь. Звали его Григорий Вольфович, выглядел он приличным мужиком лет сорока-пятидесяти, хотя оказалось, что ему уже за семьдесят. Даже завидно стало. Время было к одиннадцати, и он предложил выпить чаю, для успокоения. Как полагается, сели, разложили, кто чем богат. И первый вопрос: «Как же это вас угораздило, в поезде, в праздник?»

Как, как…

Утро у нас с невестой было обычное. Встали в очень даже приподнятом настроении. Причём несколько раз… А во время завтрака всё неожиданно обрушилось. Галя сказала, как-то между прочим, что её отец собирается предложить мне «очень интересную работу». И что я просто обязан её принять. На тон я внимания не обратил. А вот зря… Вместо этого в шутку заметил, что за заботу заранее благодарен, а вот принять или нет, это мы решим после предложения.

И тут моя милая и ласковая разом превратилась в жуткую гарпию. Точнее, когда она вдруг принялась сдавленно орать, я впал в ступор. Потом возникло видение чудища, похожего на вампира, оборотня и дикобраза в одном флаконе. А уж то, что она кричала, окончательно привело меня в шок. То есть «тупой костолом» было одним из «нежных» эпитетов. Надо же, значит, я для неё – «тупой костолом»?!

Память скользнула глубже. Всегда, сколько себя помню, я хотел быть только офицером. Никаких тебе: доктором, космонавтом, актёром, милиционером, пожарником… Только офицером. В раннем детстве – офицером флота, как дед, погибший в 1942-м в Севастополе. А где-то лет с двенадцати – десантником. Уж и не помню, почему вдруг, любимый фильм «В зоне особого внимания» появился позже. Но – резкая смена моря на небеса. Тогда же я начал заниматься боксом и самбо, благо секций было много, и удалось найти не мешающие друг другу.

Резкое изменение в выборе приёмов боя произошло года через полтора. Тогда, возвращаясь домой через парк у ДК «ХЭМЗ», я увидел пятерых парней, «игравших» девочкой лет 14. Они её окружили и толкали друг другу, норовя что-нибудь порвать или сорвать. Судя по её лицу, это продолжалось уже довольно долго, целой одежды на ней почти не осталось. Но она молчала и пыталась сопротивляться. Слёзы текли, собираясь в углах сжатых губ, но ни звука.

Конечно, я «подписался». Обижать девчонок было «табу» даже у местной шпаны. Предложение оставить девушку в покое и валить восвояси принято парнями не было. Только переключило внимание двух из пяти на меня. Вначале. Правда, уже через минуту-две они осознали, что двое – это явно маловато, только траву помять и пыль собой подмести. Тогда девочку временно оставили в покое. Она, кстати, никуда не убежала, застыла на месте и смотрела.

При раскладе один к пяти мне пришлось туго. Знание приёмов самбо и бокса тут помогали мало. Вмешалась судьба в лице Виталия Витальевича, тогда тренера по дзюдо. Он быстро «успокоил» моих противников, а потом занялся нами: мной и девушкой. Его вмешательство спасло меня тогда от серьёзных травм и оказалось началом долгих отношений. Так я начал учиться у будущего создателя школы ниндзюцу в Харькове.

Его уроки здорово пригодились и потом. Я ведь поступил не куда-нибудь, а в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. Четыре года жизни, тяжёлой, но приносящей радость. Готовили нас серьёзно, учитывая опыт всех войн и вооруженных конфликтов за всю историю нашей армии, включая Афган. Потом выпуск, долгожданное звание «лейтенант», назначение командиром разведвзвода в 299-й гвардейский парашютно-десантный ордена Кутузова 3-й степени полк 98-й гвардейской воздушно-десантной Свирской Краснознамённой ордена Кутузова 2-й степени дивизии в Болграде. Счастье заниматься любимым делом и… 1991-й год. Конец.

Потом, после развала Союза и отказа присягать «незалэжной Украине» я вылетел из армии и в 25 лет остался не у дел. Именно он, мой учитель, мой сэнсэй, взял меня на работу. Это принесло успокоение, я не сорвался, не ушёл в киллеры, как многие наши ребята, а даже начал прилично зарабатывать. Отдельная «двушка», всё в ней – это результат работы «костоломом»!

Я вынырнул из воспоминаний. Галина уже не орала, а шипела. Видите ли, её отец, выдающийся «историк», весьма почитаемый нынешней властью, снизошёл до меня. Его работы по истории великой державы и «клятых москалей», которые её угнетали и унижали, сделали его богатым. А также желанным гостем в «западенських» верхах. И такой человек заботится о простом драчуне без «видов на будущее».

Ну, я тоже завёлся, сообщив своей ненаглядной, что именно я думаю о научной ценности трудов её папочки вообще и о последней его работе «Герои дивизии

СС «Галичина» в борьбе с москалями» в частности. На этом наши отношения умерли, потому что в ответ я услышал, что мой отец – дурак, которому мозги промыли с детства. А он промыл их и мне, если было что промывать. Батя умер меньше года назад. Умер глупо. Просто никому в новой Украине не было дела до какого-то доктора наук, главного специалиста НПО и так далее и тому подобное… Ну, болеет шестидесятилетний мужик, ну пухнут руки и ноги, а и чёрт с ним, на «преднизолон» и нишкни. А это был инфаркт!

Чёрт! Видимо, всё это давно накапливалось, где-то в подсознании. Ощущение, что моя девушка воспринимает меня как удачное приобретение, не более. Симпатичный, вполне образованный, знает, как себя вести в обществе. При деньгах, хоть и небольших, но стабильно. Да ещё с отдельной жилплощадью. Короче, тюфяк с мускулатурой.

А главное: я это давно понял, только признаться сам себе боялся. Обидно всё-таки, я ведь её любил. Смешно: думаю о любви в прошедшем времени. Причём, как это ни прискорбно, в очень прошедшем. Короче, через двадцать минут, красная от бешенства и белая от ненависти и унижения Галина, с двумя, как попало набитыми чемоданами, стояла за порогом. Никаких слов типа «до свидания» или «давай остынем и поговорим спокойно» не было. Дверь закрылась – финита ля комедия.

Всё это я изложил Григорию Вольфовичу за чашкой чая. В прямом смысле слова. А дальше как-то переключились на историю. Её я любил всегда, а историю войны в особенности. Про 12 ночи, Новый год и прочие глупости мы забыли. Я, впервые за последние годы, встретил единомышленника. Он верил в то же, что и я, приводил схожие аргументы. Так мы и беседовали, перекидываясь датами, цифрами, именами и названиями, пока Вольфович не спохватился, что пора собираться на выход. Мы тепло попрощались, и я остался один. Дрыхнущая в первых купе компашка не в счёт.

От мыслей меня отвлёк сиплый голос проводника, который приполз объявить о скором прибытии на станцию. Собирать мне было нечего, и я молча смотрел на проплывающий пейзаж, слушая начавшийся шорох в вагоне. Вот замелькали городские строения, и поезд прибыл в город-герой Москву. Дождавшись, когда осоловелая братия выползла вон, я тоже вышел в тамбур. Глянул на здание вокзала и спрыгнул на перрон.

В этот момент на меня и обрушилась пустота. Ни одного проблеска света. Ни одного звука. Я исчез, растворился, осталась лишь тьма. Спустя какой-то промежуток времени появился голос. Он звучал не в ушах, уши были по-прежнему, будто ватой набиты. Он резонировал в костях черепа, заполняя его целиком. Наверное, это тоже был язык, странный, но со своей мелодией. Потом прорезались слова, которые я понял. Кто-то приказывал задействовать защиту объекта, включая область регенерации и восстановления утраченных функций. Потом тьма сменилась вспышкой сверхновой. Причём этой сверхновой был я сам, разлетевшийся в астральную пыль.

2

Первая мысль, пришедшая в голову, была: «Ну ни фига себе кино!» Вторая, после взгляда на платформу: «Этого не может быть!» Я стоял на Киевском вокзале Москвы, вот только выглядел он иначе. Был вполовину меньше, а над входом в здание, на плакате, точнее, на праздничном транспаранте, я ясно видел цифры: 1–9 – 4–0! Это что, 1940 год!? И милиционер, стоящий дальше по платформе, был одет в колоколообразную шинель. Как на старых фотографиях.

А ещё был мороз. Тут было все минус тридцать, не меньше. Я знал, несколько секунд или минуту назад, спрыгивая на платформу, я ощущал от силы минус два-три градуса. Помню, мелькнула мысль о напрасно взятой шапке. Зато чуть раньше, в поезде, в разговоре с Григорием Вольфовичем, мы вспоминали, что зимой 1939/40 года в Москве морозы были до минус сорока, а то и сорока двух. Такие пироги.

Прошло несколько минут, люди, выходящие из поезда и уже пару раз крепко меня толкнувшие, почти втянулись в двери вокзала. И я сделал шаг вслед за ними. Это была чистая автоматика, инстинкт, решивший, что не стоит тупо торчать на месте и ждать, когда кто-то обратит на это внимание. Да и прохладно всё-таки.

В зале ожидания было теплее. Устроившись в сторонке на скамье, я обхватил голову руками и начал думать. Если это не галлюцинация, если я действительно попал в 1940 год, то у меня проблемка. Время суровое, идёт война с финнами, а тут какой-то тип, странно одетый, без документов. Хотя если об одежде, то всё

не так плохо. Ношеная-переношенная лётная кожаная куртка старого образца – приемлемо. Чёрные свободные брюки, слава богу, я вышел не в джинсах, – тоже. Высокие тупоносые ботинки – под брюками не видно, сойдёт. Шапка – прикол, старая офицерская, высшего состава, каракулевая, что ли. Только без кокарды. Видать, на автомате взял, назло Галине.

А вот с документами худо. Не предъявлять же украинский паспорт с трезубом, выданный в 1995-м. И без денег не проживёшь, не коммунизм ещё. Значит, паспорт и деньги надо прятать подальше. Сотовый телефон – очень смешно, хотя в будущем может пригодиться. Это в минус. А что есть в плюсе? Ручка-нож, старые, ещё отцом подаренные «командирские» часы, что ещё?

Монета! Моя счастливая монета, десятизлотовик 1825 года, серебряный и довольно редкий. Достался мне в курсантские годы от одного приятеля. Тот чуть не выкинул в мусор унаследованную от деда коллекцию старинных монет и денежных знаков. Я тогда посоветовал ему сходить на толкучку коллекционеров с каталогом, который достался вместе с монетами. Оказалось, в среде нумизматов его дед был хорошо известен, коллекцию оторвали с руками и за оч-чень приличные бабки. Тогда он и подарил мне эту монету.

А счастливой она стала потому, что, вернувшись тогда из отпуска, я был назначен командиром отделения во взвод, о котором давно мечтал. Но это лирика. Главное, монета – это удачно. Если я не ошибаюсь, на Кутузовском есть несколько антикварных магазинов, где я и попробую сбыть эту самую монету. Ток опять загвоздка с документами. Потребуют какую-никакую бумагу, и де её, родимую, взять? В милицию, что ли, обратиться? Мол, дяденьки, допоможите убогому, покрали у меня всё… А они мне: а сам кто таков? А я: тутошние мы…

Хотя?! Если не тутошние? Приезжий, на перроне украли чемодан, а там документы и деньги? А кто я такой – ответ вдруг всплыл в голове, полностью готовый к употреблению. Брат деда, талантливый, как все в семье, и с той же бедой – водка! Единственный, кто получил образование. И какое! По тем временам окончить семилетку, а после рабфак при ХЭМЗ – это о-го-го. Он был инженером на паровозостроительном, взял отпуск под Новый 1940 год, поехал на охоту за город и пропал. Его начали искать только через неделю, да так ничего и не нашли. Родня решила, и не без оснований, что он «перебрал» где-то в лесу и замёрз. Но сейчас его ещё даже не ищут. А если так, то я Доценко Егор Петрович, 1909 года рождения. Из рабочих. Осталось собраться с духом и подойти к милиционеру со своей «легендой».

Для начала я встал и начал рассеянно бродить по залу ожидания. Остановился у газетного стенда, почитал «Правду». В «Правде» писали, что на советско-финском фронте затишье, авиация нанесла несколько ударов. А в старом номере «Советского искусства» от 5 декабря прочитал о выставке «И.В. Сталин и Красная армия». Попутно проводил рекогносцировку местности, намечал пути отхода и приводил себя в «боевое» состояние. А настроившись, уловил волну внимания от милиционера, стоящего в центре зала. Пора было действовать, и я постарался придать лицу выражение расстроенной растерянности. Всё, понеслась, я повернулся и направился к сотруднику милиции.

– Извините, товарищ милиционер!

– Старший милиционер Гаврилин, слушаю вас, гражданин.

Начало обнадёживает, идём дальше.

– Тут, понимаете, такое дело. У меня украли портфель. А там всё. Документы, вещи, деньги. Просто ума не приложу, как это получилось и что теперь делать. Я, понимаете, в Москве первый раз, ничего не знаю, и как мне теперь?

– Успокойтесь, товарищ. Прежде всего, где у вас украли портфель и что в нём было. Только представьтесь, пожалуйста.

Во, блин, прям лондонский полисмен на посту у Букингемского дворца. Завидно, право слово. Со мной менты так не говорили, ни в советские, ни, тем паче, в постсоветские времена.

– Да, извините. Доценко Егор Петрович. Инженер-механик. Работаю на Харьковском паровозостроительном заводе. Портфель украли на перроне, я рядом поставил, шапку хотел развязать, а посмотрел – нет его. А там паспорт, денег 1000 рублей, вещи. Главное паспорт, я в вагоне побоялся в кармане оставлять, а портфель под голову положил, думал, так надёжнее.

– Вы не волнуйтесь так, товарищ, – успокаивающе сказал постовой, – сейчас пройдём к нам в дежурку, напишете заявление, а там решим, что и как.

Так и пошли в неприметную дверь с надписью «Милиция», он – спокойный и деловой, а я жутко растерянный, с шапкой в руках. Дежурка была небольшая и походила, скорее, на приёмную. Скамья у стены, такая же, как в зале ожидания, письменный стол с лампой. За столом сидел мужчина лет сорока, с кубарём в петлице. Когда мы вошли, он поднял голову от бумаг и, скользнув по мне взглядом, вопросительно посмотрел на постового.

– Вот, товарищ младший лейтенант, у гражданина на выходе из поезда вещи украли. Совсем распоясались, чуть не с каждого поезда жалобы идут. А у гражданина, вот, и паспорт, и деньги были в портфеле.

Младший лейтенант посмотрел на меня. Спокойно и даже с сочувствием. Вот только есть у меня такое ощущение, что меня прицельно срисовали.

– Ну что ж, гражданин…?

– Доценко. Егор Петрович.

– Гражданин Доценко. Садитесь к столу, вот бумага, вот ручка – пишите объяснение.

Вот когда я поблагодарил господа бога и учительницу русского языка! Писать-то надо пером, макая его в чернильницу. А я инженером назвался, попробуй тут, начни карябать и сажать кляксы. Писал я лаконично и чётко. Мол, в поезде № такой-то, слава богу, чисто на рефлексах запомнил, из какого поезда вышел, я положил деньги и документы в портфель, а портфель под голову. При выходе из поезда поставил портфель возле ног и стал развязывать уши у шапки, наклонился, а портфеля нет. Тут же указал Ф.И.О., год и место рождения, образование, место работы. Закончив, пододвинул объяснительную дежурному и расстроенно спросил:

– Так что мне теперь делать, товарищ младший лейтенант?

Не отрываясь от чтения (он просматривал моё заявление), младшой сказал:

– А ничего. Пока посидите здесь. Отправим запрос в Харьков, ну а когда они ответят – решим, что с вами делать дальше.

Дежурный начал заполнять какие-то бланки, и где-то с минуту стояла тишина, нарушаемая только скрипом пера. Потом постовой, маявшийся у дверей, обратился к лейтенанту:

– Сидор Григорьевич, товарищ младший лейтенант, разрешите!.. – при этом в его голосе была такая просьба и надежда, что я даже улыбнулся.

Сидящий у стола дежурный эту мою улыбку поймал, улыбнулся в ответ, мол, совсем ещё дети, и сказал:

– Ладно, Борис, только быстро, в две затяжки, всё равно тут торчишь.

Обрадованный милиционер торопливо достал папиросы, вытащил одну, вопросительно посмотрел на дежурного. Тот кивнул, и он протянул мне пачку:

– Курите, гражданин?

– Нет, спасибо, бросил, давно уже. Иногда только, ну, под «это дело».

– Ну и правильно, – продолжая писать, сказал Сидор Григорьевич, – ни пользы, ни удовольствия, вонь одна.

Он открыл ящик стола, достал печать, подышал на неё и быстро проштамповал все бланки. Подписал один из листов, сложил всё в аккуратную стопку и потянулся за скрепками. Постовой торопливо докурил и загасил бычок в пепельнице на подоконнике. Чёрт, а я всё-таки крепко передёргался. Пепельницу я не заметил, что хреново! Должен был отметить, как возможное оружие. Тем временем постовой спрятал бумаги за отворот шинели, козырнул и вышел.

Лейтенант вернулся к своим бумагам, а я устроился поудобнее и заснул. Заставил себя заснуть специальным волевым усилием. Ничего так не успокаивает охраняющего, как вид подопечного, который от переизбытка событий и волнений клюёт носом. Да и мне это на пользу, денёк выдался не из лёгких…

Проснулся я от того, что меня легонько трясли за плечо. Открыл глаза и увидел улыбающегося Бориса.

– Здоровы вы спать, Егор Петрович, – сказал дежурный, – да ещё в таких условиях.

Мои внутренние часы говорили, что я проспал часов пять. Освещение в комнате указывало на то же самое. Но! Лейтенант назвал меня по имени-отчеству. То есть мою личность подтвердили? За пять часов? Фантастика, предки гении, снимаю шляпу. Это ж без Интернета, внутренних сетей и баз данных. Круто, круто и ещё раз круто! Пока всё это роилось в голове, я встал, поправил куртку и сильно потёр лицо ладонями. Вообще, сделал всё, что положено разбуженному человеку в такой ситуации. Младший лейтенант на этот раз стоял возле стола, держа в руках несколько справок.

– Итак. Вот вам справка, удостоверяющая личность, для предъявления в органы НКВД по месту жительства с целью восстановления паспорта. Её же можете предъявлять при проверке документов. Это – ордер на вселение в «Дом приезжего», Гаврилин вас проводит. Это талоны на питание в столовой при этом же «Доме приезжего», с деньгами у вас, как я понимаю, плохо. В ближайшие 4–5 дней вы должны заходить к нам в отделение, скажем, в районе 12.00. Найдём вора – опознаете вещи, не найдём – получите литер на поезд до Харькова. Гуляя по городу, будьте осторожны. Ну, и удачи вам.

Я жал ему руку, благодарил, прятал документы в карман и всё это время думал. Думал, что слишком уж легко всё получается. Слишком! Нет, в то, что в НКВД и милиции служили только маньяки-убийцы и садисты, я не верил никогда. То есть уроды были и, в зависимости от периода, довольно много, но далеко не все. И всё-таки! Никаких длительных расспросов, допросов, уточнений и перепроверок. А ведь мужик – профи, сразу видно. Званием, может, и не вышел, но дело своё знает крепко.

А со мной вёл себя как со старым знакомым, который попал в неприятную историю, но которого сто лет знаешь и потому особо проверять нет необходимости. Тем временем мы уже покинули и вокзал, и привокзальную площадь. Гаврилин вёл меня куда-то в сторону Кутузовского. Он шёл рядом и чему-то улыбался, и я решил, что молчание затянулось. Засмеявшись, спросил:

– Товарищ Гаврилин, а как вас по имени-отчеству?

– Да какое имя-отчество, я уже сменился, так что зовите Борис.

– Тогда я Егор. Слушай, Борис, а ты чего такой счастливый?

Борис рассмеялся. Звонко так, от души.

– Что, так заметно?

– Ага. Вроде и дежурил в Новый год, и смена не из лёгких, сам говорил, что ворьё распоясалось, а светишься, как новый грош.

Он снова рассмеялся.

– Да радость у меня. Рапорт мой удовлетворили, направляют в школу комсостава погранвойск. Я срочную там служил, а сейчас, ну, когда финны полезли, решил, что моё место там. Отучусь на курсах, а там – граница.

Он снова счастливо засмеялся. Мы свернули в одну улицу, в другую, прошли какой-то переулок, снова вышли на улицу и подошли к «Дому приезжего». Дом как дом, похож на типичные общаги КЭЧ. Я сам в такой жил, лейтенантом. Внешне – будто один человек строил.

– Ну, вот и пришли, – сказал Борис, – помочь с регистрацией?

– Да нет, справлюсь, спасибо твоему командиру. Иди, празднуй Новый год и рапорт, и что там ещё хорошего в стране. И ещё раз спасибо!

Мой новый приятель пошёл своей дорогой, а я поднялся по ступеням, отряхнул снег с ботинок и потянул на себя тяжёлую, обитую снизу железом дверь. Да, изнутри это тоже общага. Только вот дежурная сидит очень колоритная. Плотная тётка с круглым лицом, в платке, повязанном по-комсомольски. Могла бы быть даже симпатичной, если бы не выражение лица. Вот это настоящая держиморда! Ща как гаркнет: «Как стоишь, скотина!»

Тётка посмотрела на меня и, хоть не гаркнула, но рыкнула:

– Ну?!

Я протянул ей ордер, выданный милицией, и, по ходу того, как она читала, её лицо изменилось. Тётка, нет, теперь уже женщина, заулыбалась, на щеках появились ямочки, и оказалось, что она вполне может приятно оживить серость окружающей обстановки. Через пять минут я стоял в комнате, а дежурная, которую звали Галина Степановна, объясняла мне, что туалет в конце коридора (первое отличие, в моей общаге он уже был в комнате), коек четыре, но я, пока, один и могу выбирать любую. Тут же, попутно, уточнила, что столовая работает с 6 до 9, потом с 12 до 14 и с 17 до 21 часа. Если потороплюсь, могу ещё успеть. Я поблагодарил, сказал, что займу койку справа у окна, и пошёл в столовую.

Через час, примерно, сидя на койке и привалившись спиной к стене, я пытался унять дрожь. Уж не знаю, обед меня так расслабил или «завод» где-то кончился, но войдя в комнату и закрыв за собой дверь, я начал трястись. Меня натуральным образом колотило, и я почти ничего не мог сделать. Похожее состояние я видел много лет назад у курсанта из соседней роты. На прыжках у него не открылся основной парашют, а когда он попытался открыть запаску – оказалось, что шпилька кольца загнута! Он, со страху, порвал ранец руками!!! Это тройной прошитый брезент с усилением по краям. Как говорил мой первый инструктор: «Жить захочешь – за три секунды летать научишься!»

Парень тогда приземлился, собрал парашюты в сумку, пришёл к старту, и его затрясло. Выручил капитан из ПДС, который начал на него орать, требуя сделать то-то и то-то, короче, соблюдать инструкцию. И помогло! Я и начал, мысленно, на себя орать. Такие эпитеты использовал… Повторять не буду, а то придётся вызвать себя на дуэль. Кое-как успокоившись, начал думать о наболевшем. В смысле о том, как жить дальше. Ладно, уж не знаю каким чудом, но дня три-четыре у меня есть. И это само по себе – нечто!

Ведь не задержали, не обыскали, ничего. А время-то военное. Заявление, запрос и, пожалуйте, справка, подтверждающая личность. И всё это за 5–6 часов. Может, это и есть та самая «дополнительная защита», о которой говорил голос в моей бедной голове? Что-то мне все очень легко верят, улыбаются, душу открывают. А я ведь по жизни – волк. Ну, одиночка. С людьми схожусь тяжело, познакомиться – проблема, а тут – просто душа компании. Так что спасибо этим экспериментаторам за полезную черту характера.

Только это всё лирика, а вопрос остаётся открытым – что делать? Начнём сначала. Сегодня 1 января 1940 года. Времени на раздумья у меня нет, дня через 3–4, максимум через 5, меня отправят в Харьков. В лучшем случае. Или дед, старлей НКВД, сообразит, что я не я и ксива не моя! Значит, в Харьков мне нельзя. А делать что-то нужно. О финской кампании я знаю мало. Так, кое-какие даты и события. Военные, а также как внутри – так и внешнеполитические. Но дальше…

22 июня, разгром, миллионы жертв, разруха. Потом Хрущев, XX съезд, Брежнев, Горбачёв, развал СССР и венец – паспорт громадянина незалэжной Украины. И чтобы этого не было, надо драться. Я неплохо знаю период начала войны. Обладаю знаниями из своего настоящего. Надо только разобраться, как это использовать. И для начала – к кому обратиться. И по всему получается, что только к «Самому», то есть к товарищу Сталину лично. Иначе просто не дойдёт до него эта информация. Каждое последующее звено будет её кастрировать. Одновременно со мной или только на бумаге, но до Верховного оно дойдёт как ещё одно донесение о войне с Гитлером. И всё, баста, ничего не произойдёт.

Надо идти напрямую. Только как? Использовать имеющиеся навыки проникновения на охраняемый объект? Глупо и имеет мало шансов на успех. Даже в случае удачи – реакцию Сталина на такой способ представиться я себе представляю. Он изначально не будет мне доверять, а значит, глухо. А мне нужно его заинтересовать. Так заинтересовать, чтобы не возникла у него идея проверить меня с помощью сотрудников товарища Берии или работников института Склифосовского. Ну не люблю я, когда мне да за моё же добро почки отбивают или в рубашку пеленают.

Так что, нужно что-то простенькое, но со вкусом. Как у мамы в детстве – написала письмо Сталину – получила ботинки. Опаньки, а ведь это оно и есть. Не ботинки, конечно, но идея. Как там мама рассказывала? Ей зимой не выдали ботинки, положенные дочери погибшего офицера, приехавшей из эвакуации, и она написала письмо лично товарищу Сталину. И через неделю получила ответ за его подписью. Причём личной, не факсимиле. И ботинки ей, в тот же день, принёс директор школы домой. Как она вспоминала, он был весь в снегу, а лицо было белее снега. Короче, чувак сообразил, что если сегодня не принесёт ботинки, то завтра сам может сменить тапочки на сапоги. А может, ему объяснил кто, не знаю. Но факт. За неделю мама получила ответ! И это то, что надо.

Я вышел в коридор и спросил у дежурной, где можно достать пару листов бумаги, перо, чернила и конверт с маркой. А, кстати, ведь моя идея о дополнительной защите, кажется, верна! Тётку просто ветром сдуло, и через пять минут, не больше, у меня было всё необходимое. Это вместо того, чтобы меня послать! На почту… Вот бы в моём времени так работали девушки из регистратуры. Ну, хотя бы в шикарных гостиницах. Ну, да ладно, к делу, пока я так здорово соображаю. Первые пару листов я порвал на мелкие клочки и бросил в урну. Только к часу ночи, уже 2 января я закончил окончательный вариант. Выглядел он так:

Товарищ Сталин!

Я обращаюсь к Вам лично ввиду крайней необходимости. В настоящее время я со справкой из органов милиции на имя Доценко Егора Петровича проживаю в «Доме приезжих» по направлению от неё же. Так случилось, что я обладаю сведениями особой важности. Источник этих знаний я могу объяснить только при личной встрече, но прошу поверить, что они безмерно важны для нашей Родины. Чтобы было понятно, о чём речь, я приведу несколько фактов, которые произошли или должны произойти в ближайшее время.

1 января СССР отозвал консула из Италии в связи с антисоветскими выступлениями в Риме.

2 января командование РККА начнёт генеральное наступление на Карельском перешейке.

5 января к северу от Ладожского озера попадёт в окружение 18-я дивизия РККА.

9 января на должность наркома авиационной промышленности назначат А.И. Шахурина.

11 января заместителем Шахурина по опытному самолётостроению назначат А.С. Яковлева.

17 января части РККА под Саллой отступят на два десятка километров.

20 января Черчилль предложит ряду стран вступить в антигитлеровскую коалицию и осудит СССР за вторжение в Финляндию.

Товарищ Сталин. Это события ближайших недель. Я обладаю информацией в гораздо большем объёме и готов предоставить её в распоряжение Советского правительства и Ваше.

С уважением. Доценко Е.Г.

2 января 1940 г.

Я вложил письмо в конверт, вместо адреса указал «Москва. Кремль. Лично товарищу Сталину» (блин, на деревню дедушке). Не одеваясь, вышел на улицу и опустил его в почтовый ящик на углу. Остаётся ждать, когда за мной придут. А пока хватит, я иду спать. И до утра пусть всё катится к чёрту и не отсвечивает. Хох, я всё сказал.

Проснулся я ближе к девяти. Точнее, подскочил в шесть, подумал и опять уснул. Встал уже в девять «с копейками», выполнил комплекс упражнений, сходил, умылся и отправился в город. Счастье, что я не люблю завтракать, потому как столовая уже закрыта и до 12 я туда не попаду. А денег «на поесть» у меня нет. Вот с такими радужными мыслями я и догулял до Арбата. До старого Арбата. Это не та улочка с ларьками, лотками и толпой, ниже Нового Арбата, которую я помнил по своему времени. Это – АРБАТ!

Здесь могут писаться стихи о любви и дружбе, о счастье и свете. Самое смешное, что, вообще-то, дома выдержаны в пепельно-серой гамме, и откуда у меня это ощущение, я сказать не могу. Наверное, благодаря песням Окуджавы. И, кстати, магазинчиков тут полно и сейчас. Один из них привлёк моё внимание. Небольшой, он практически весь просматривался с улицы. «Антиквариат» – это подойдёт, может, удастся что-то получить за «счастливую» монету. Я толкнул дверь и зашёл.

Нет, те, кто говорит, что в 40-е все жили плохо или очень плохо, ни фига не видели. Около 11 часов утра рабочего дня (хотя, может, и тут 2 января выходной, не знаю) народу в магазине было валом. Кто-то что-то смотрел, кто-то платил, кто-то сдавал вещь в продажу – жизнь била ключом. Справа за стойкой

неторопливо суетился невысокий горбоносый человек. И продавцы, и посетители обращались к нему с пиететом, значит, товарищ был серьёзный. К нему я и подошёл.

– Извините, вы не могли бы мне подсказать…

– Слушаю вас, молодой человек, – работник прилавка просканировал меня не хуже опера из УГРО.

– Вы не скажете, старинными монетами тоже вы занимаетесь или это специальные магазины?

– Ну, смотря какими монетами. Может, и заинтересуемся…

– Она, по-моему, серебряная. С одной стороны – «10 злотых». А с другой – портрет, написано Александр I, год 1827.

А глазки-то загорелись у работника советской торговли, кажется, всё будет как надо.

– А простите, монета у вас собой? – спросил продавец, стараясь выглядеть равнодушным.

– Нет. Я в Москве проездом. Да и начал неудачно, вещи у меня увели на вокзале. Что осталось, храню у знакомых.

– Знаете что, молодой человек. Сейчас людей много, уделить вам достаточно времени я не могу. Приходите часиков в пять, вечером. Приносите монету, я осмотрю и решим, что можно за неё получить.

Мне это было на руку, тем более время шло к полудню, и надо было сходить на вокзал. Где я и был в 12.15. Пробыл минут 10, не больше. Сказал Сидору Григорьевичу, где и как устроился, поделился ощущениями от столицы и узнал, что по моему делу пока ничего. Хотя пару человек взяли и сейчас обрабатывают. Так что живите, гуляйте и будьте бдительны. Вот так. И я пошёл в гостиницу обедать и греться. Обед, хоть и не блистал разнообразием, был сытным. А несколько стаканов чая прогнали холод из костей, где он собрался было

обосноваться надолго.

Около четырёх, закончив необходимые приготовления, я отправился к антиквару. На улицах было уже темно, горели фонари. Холод почти полностью разогнал прохожих. Когда я был метрах в 50 от входа, из легковушки, стоявшей перед магазином, вылезли двое. Один в длинном кожаном пальто и военной фуражке, правую руку держал в кармане, а в левой сжимал пару перчаток. Второй был невысокий, кряжистый, одетый в зимнее полупальто и странную кепку с меховыми ушами. У этого в карманах были обе руки. Ещё один остался сидеть в машине.

Первые двое поднялись по ступеням и вошли в магазин. Через минуту я зашёл следом. Человек в кожаном пальто оказался обладателем холёного лица и холодных серых глаз. Эдакий барин. Зато лицо второго будто вырубили из суковатого чурбака тупым топором. Когда я вошёл, «барин» стоял возле кассы, а «чурбак» почти посередине торгового зала. Кроме кассирши, в магазине был только «мой» продавец, к нему я и пошёл. Спокойствие последних суток сыграло злую шутку: я расслабился. Зато эта парочка даже и не напрягалась. Я был за спиной у «чурбака», когда у него в руках оказались два «нагана», а «барин» сказал тихо и жестко:

– Никому не двигаться. Будете слушать меня – останетесь живы.

Его правая рука была по-прежнему в кармане. Приехали, блин. До «чурбака» один шаг. Я влёгкую его нейтрализую, но их-то двое. И, зуб даю, у «барина» тоже «волына» есть. Кроме того, я уже вошёл в боевое состояние и понял, что «чурбак» на взводе, и держит его только приказ «барина». Иначе он бы уже палил во всё, что движется. Выключать нужно было обоих сразу. Застывшее время было запущено звуком открывающейся двери и женским вскриком.

Понеслась. «Чурбак» развернулся в сторону двери и выстрелил. Почти в то же мгновение я шагнул в его сторону и нанёс удар в коленный сгиб опорной ноги, а когда он начал заваливаться назад, поймал его затылок на колено и, одновременно продолжая движение, перехватил оружие. Слегка добавил ускорение локтем в лоб. Через секунду его голова крепко приложилась об пол, и теперь я стоял, направив оба ствола на «барина». Мужик он был крепкий, на лице не отразилось ничего. Только в глазах мелькнуло что-то среднее между страхом и яростью.

– Будьте добры, медленно выньте руку из кармана и заложите обе руки за голову. Потом станьте на колени.

Лицо «барина» не дрогнуло и на этот раз.

– Я ни перед кем на коленях не стоял и перед тобой не буду, ковбой.

Он не вынул руку из кармана, и я знал почему. Третий в машине. Бандит не знал, что мне о нём известно, и ждал. Вот только я стоял удачно. Чтобы выстрелить в меня, третий должен был войти в свет фонаря и витрины. Что он и сделал. В тот же момент я выстрелил дважды из левого «нагана», всадив по пуле в его плечи. Что-что, а с пистолетами я был если не богом, то одним из его замов. Ещё в подростковом возрасте, начитавшись Богомолова, я хотел стать похожим на его Таманцева. И потом в училище уделял этому массу времени.

Лицо «барина» не дрогнуло и сейчас, но он медленно достал руку из кармана. Я собрался было повторить приказ встать на колени, но к магазину с визгом шин подлетела машина, и спустя секунды в помещение ворвались четверо сотрудников НКВД с пистолетами в руках.

– Руки вверх, бросай оружие.

– Спокойно, товарищи, я свой, я обезоружил бандита.

С этими словами я перехватил стволы рукоятками вперёд и протянул ближайшему из энкавэдэшников. Тот взял их по очереди, левой рукой, положив в карманы шинели, но по-прежнему держал свой «ТТ» направленным на меня. Нет, ну интересно девки пляшут. Я – герой дня и победитель дракона на прицеле у трёх человек, а «барин» стоит себе спокойно. К нему направился сотрудник и попросил документы.

Вариантов у меня не было, дёрнусь – получу пулю, или две, или три. Оставалось тупо смотреть, как «барин» неторопливо лезет во внутренний карман своего шикарного кожаного пальто. Всё остальное случилось быстро. «Барин» выдернул руку с пистолетом, раздался выстрел. Пистолет с глухим стуком упал на пол, а его хозяин медленно завалился на бок. Да, недооценил я предков. Его «держали» вполне профессионально, выстрелить он не успел.

Следующие почти сутки я провёл в местном отделении МУРа. Сначала составляли протокол, потом я снова рассказывал всё, но уже не дежурному, а следователю по делу. Потом писал объяснительную. Потом долго сидел в пустом кабинете, пока меня проверяли, и опять по кругу. Основной вопрос: откуда познания в стрельбе и рукопашке. Ответ, что, мол, служил в погранчастях НКВД, приняли, но неохотно. Ну не нравилось всё это следователю.

Вроде всё чисто, свидетели подтвердили, что я зашёл после нападавших, что проявил храбрость и бросился на них, когда «чурбак» выстрелил в женщину. Это, кстати, была продавщица этого же магазина. Она что-то забыла на работе и заскочила забрать, вот такая у неё была удача. Правда, отделалась она лёгким испугом. «Чурбака» обманули габариты тяжёлого зимнего пальто, и пуля скользнула по рёбрам, особого вреда не причинив. Но следак что-то чувствовал. Что-то ему мешало вручить мне медаль и наградить денежной премией.

Так ничего и не решив, меня отправили по месту жительства, предложив до «особого распоряжения» его не покидать. Дело принимало нехороший оборот. Учитывая справку вместо документов, могли заподозрить что угодно, вплоть до шпионажа, и тогда прости – прощай. Но обо всём этом я решил подумать завтра, а пока завалился спать. Прямо одетый, расстегнув куртку и ослабив шнурки на ботинках. Мало ли, придут меня «брать» – придется «делать ноги», и быстро. Потому как с Лубянки мне не уйти, несмотря на всю мою подготовку. С такими весёлыми мыслями я и заснул.

Чёрт, я всегда был соней, но просыпаться в 12 часов дня! Я вскочил и нанёс несколько ударов «по тени». От радости. Я проспал 17 часов, и никто за мной не пришёл. У меня снова получилось. И тут, словно в насмешку, раздался уверенный стук в дверь. Сейчас быстро – открыть или сигануть в окно? Но сигнальная система организма угрозы не замечала. Направленное внимание – да, а угрозы – нет. И я открыл.

За дверью стояли двое ребят, моего примерно возраста, с кубарями лейтенанта и старшего лейтенанта ГБ НКВД. А вот за ними… Третьим был мужчина лет сорока, с тремя ромбами комиссара госбезопасности 3-го ранга и простым деревенским лицом, известным мне по фотографиям. Николай Сидорович Власик, начальник охраны Сталина собственной персоной. Как любил говорить Остап Бендер: «Лёд тронулся, господа присяжные заседатели! Лёд тронулся!»

3

– Здравия желаю, товарищ комиссар госбезопасности. Значит, товарищ Сталин получил моё письмо? – сказал я.

Глаза Власика чуть сузились.

– Почему вы решили, что наш визит связан с письмом? – спросил он с интересом.

– Если за мной пришёл начальник охраны товарища Сталина Власик Николай Сидорович лично, то это не из-за утери паспорта или еще какой мелочи.

Было прикольно наблюдать за их выражением лиц. Удивление, настороженность, пристальное внимание – всё сразу.

– Вы на редкость хорошо информированы! – Голос стал резким.

– Собирайтесь, пойдёте с нами.

– Есть, товарищ комиссар госбезопасности. Только разрешите сходить в уборную, а то я как раз собирался, когда вы постучали.

Власик подумал мгновение и кивнул лейтенанту. Тот шагнул в сторону. Я взял куртку, шапку и, закрыв дверь, пошёл в конец коридора. Бдительный лейтенант открыл дверь, убедился, что окон нет, и дал мне войти. Закрыв дверь, я быстро взобрался к сливному бачку. Из него я достал водонепроницаемый пакет, в котором обычно лежал паспорт, а теперь и деньги, и сотовый телефон, и ручка-нож. Всё, что не вписывалось в этот временной период. Наскоро обтерев пакет обрывками газет, которые тут лежали в качестве туалетной бумаги, я сунул его в карман куртки и слил воду.

– Я готов, товарищи, можем отправляться, – сказал я, выйдя из уборной.

Мы въехали во двор, ворота закрылись, и машина остановилась. Первым из машины вылез лейтенант, потом я, потом старший лейтенант и, наконец, последним Власик. Меня, без особых церемоний, но вполне вежливо обыскали.

Пакет со всем моим имуществом взял Власик, и мы двинулись к дому. Одноэтажному, заборно-зелёного цвета. Чуть в стороне, в глубине двора, находились ещё несколько строений, если я правильно помню – гараж, дежурка и кухонно-банный блок.

Мы прошли через прихожую, оставили верхнюю одежду на правой, гостевой, вешалке и вошли в кабинет. У стола стояли двое самых могущественных людей этой эпохи. Сталин был похож на человека, которого я видел в хронике, но выглядел чуть моложе и чуть… живее, что ли. Он стоял слева от стола, в своём сером френче и, чуть покачиваясь с пятки на носок, смотрел на нас, доставая из коробки папиросу. Берия располагался прямо напротив двери, за столом.

Наша группа остановилась шагах в трёх от дверей. Мои сопровождающие держались чуть сзади меня по сторонам, а Власик, положив изъятый у меня пакет на край стола, сделал несколько шагов и остался стоять где-то посредине между мной и Верховным. Прикинув, я понял, что он готов в любую секунду перекрыть директрису атаки на «Хозяина». Сразу вспомнилось, что по рассказам очевидцев он был предан Сталину как собака и жизнь бы отдал не задумываясь. Сталин тем временем продолжал, прищурясь, разглядывать меня, а потом негромко сказал:

– Расскажите, товарищ, пока о себе. А вашей информацией займёмся чуть позже.

Это был час «Ч». Собравшись и не отводя взгляда, я начал докладывать свою автобиографию. Именно докладывать, как при приёме в партию. Фамилия, имя, отчество. Родители. Учёба. Служба. Работа. Про распад Союза я пока что не говорил, оставил на потом. Сталин слушал внимательно и, едва я замолчал, задал вопрос:

– Всю жизнь хотели быть командиром, готовились, учились, наконец стали. И вдруг через год – уволились. Почему?

Именно вот так, вроде тот факт, что я должен родиться только через 30 лет, его не взволновал. А ещё он сказал «командиром», хотя я употребил привычное офицером. Ну, вот и наступило моё потом…

– Товарищ Сталин. Я всю жизнь хотел и готовился быть советским офицером. И служить своей родине – Союзу Советских Социалистических Республик. Но

осенью 1991 года СССР прекратил своё существование. Первые секретари трёх республик – России, Украины и Белоруссии захотели стать президентами и попросту объявили о разделе Советского Союза на независимые государства. Причем не интересуясь даже тем, кто в каком предпочитает жить. Где оказался на момент раздела – там и живи. Я служил на Украине. А она пошла по петлюровско-бандеровскому пути. Приняла их символику и стала называть героями тех, кто воевал на стороне фашистов в дивизии СС «Галичина» и убивал советских людей. В первую очередь коммунистов и евреев. А когда фрицев погнали, стрелял в спину нашим солдатам. Быть офицером этой армии я не хотел. Потому ушёл.

Выражение лиц окружавших меня людей было таким, будто на них в чистом поле упала кирпичная стена.

– Война?! Страна распалась?! Как это могло произойти, куда смотрела власть, где была партия? – Голос Сталина был сдавлен и резок одновременно.

– Это ложь! Этого не может быть!

– Война, товарищ Сталин, это та война, что началась 1 сентября 1939 года с нападения Гитлера на Польшу и которая продолжается сейчас, когда он медленно, но верно заглатывает страны Европы. И которая в 4 часа утра 22 июня 1941 года придёт в наш дом. Придёт в виде артиллерийско-бомбового удара почти на всём протяжении западной границы и с рёвом танковых армий, вторгшихся на нашу землю. Это будет жуткая война продолжительностью 1418 дней и ночей, которая унесёт более 30 миллионов жизней. И ещё миллионы тех, кто умрёт после войны от ран или останется калекой. И миллионы не родившихся детей, возможные отцы и матери которых погибли, не успев встретить друг друга. Эта война разрушит европейскую часть СССР до Волги и Прикавказья. Будут места, где десятилетия не будет расти трава из-за железа, костей и крови, заменивших землю. И погибали в этой войне лучшие. Самые смелые и порядочные. Уже талантливые и ещё не успевшие дорасти до возможности проявить талант. А образовавшуюся пустоту заняли те, кому до страны и людей не было дела. Они говорили правильные слова, но коммунизм строили только на собственных дачных участках. Постепенно люди перестали верить и власти, и партии. Каждый крутился, как мог, и в какой-то момент всё рухнуло. А что касается распада страны. Перед вами, в пакете, лежит мой паспорт и деньги, имеющие хождение на территории Украины. Посмотрите.

Власик подошёл к столу, с минуту крутил пакет в руках, распечатал и достал паспорт и деньги. Открыл паспорт, перелистал страницы и передал Сталину. Верховный внимательно прочитал каждую страницу паспорта, пристально оглядел «трезубую» обложку, перебрал гривны и доллары.

– Этого можно избежать, товарищ Сталин. У нас есть время, очень много времени, почти полтора года. Мы можем изменить ход войны или избежать её совсем. Сохранить жизни людей и многое, что было уничтожено и что пришлось восстанавливать или воссоздавать заново…

Нет, крепко я зацепил вождя всех народов. Он просто не слышал последних слов. Полуобернувшись к Берии, он сказал:

– Лаврентий, как это могло произойти? Куда смотрело НКВД, где был ЦК?

Я не дал Берии открыть рот. Клин клином вышибают, так что продолжим:

– Товарищ Сталин, комиссар госбезопасности 1-го ранга ничего сделать не мог. Вы не оставили после себя официального преемника. После вашей смерти в ЦК начался разброд. Зная, что товарищ Берия человек жёсткий и опасаясь репрессий, а было за что, несколько членов правительства во главе с Хрущёвым совершили тихий переворот. Лаврентий Павлович был арестован. 14 февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда партии Хрущёв зачитал доклад «О культе личности». Все события с тридцатых годов до вашей смерти объявлялись кровавым террором в борьбе за сохранение личной власти. Все, кто был арестован, осуждён или расстрелян, стали жертвами «культа личности», без оглядки кто прав, кто виноват. Но если сейчас начать принимать меры – всё изменится. Абсолютно всё!!!

Последнюю фразу я буквально выкрикнул.

Признаю, был сильно не прав. И теперь точно знаю, как выглядела немая сцена у Гоголя. Застыло всё, даже воздух стал гуще и замер. Берия стал таким белым, что его лицо не выделялось на фоне стены. Такой себе «всадник без головы». Сталин посерел и стал похож на те фотографии, которые были сделаны в начале войны. Ребята за моей спиной напряглись и, судя по ощущениям, были готовы порвать меня на мелкие кусочки по первому движению брови Верховного. Причём буквально. И только Власик был ярким красным пятном. Его лицо не

отличалось по цвету от петлиц.

Нет, это я, конечно, умно придумал. Взять и заявить Сталину, когда он умрёт. Да и Берия с Власиком не дураки, знают – нет Сталина, нет и их. Надо что-то срочно делать с ситуацией, пока они не придумали, что делать со мной. И в это время зазвонил телефон на столе. Как там у Булгакова: «…Слава петуху…?» Звонок вернул на место звуки, воздух стал снова пригоден для дыхания, и по кабинету прошла волна движения. Власик посмотрел на Сталина. Тот, кажется, просто шевельнул бровью, и, повинуясь этому приказу, Власик снял трубку.

Выслушал, подошёл к Верховному и что-то тихо ему сказал. Получил в ответ кивок и пошёл к двери. Проходя мимо меня, он лишь бросил короткий взгляд, но по нервной системе словно электроразрядником прошлись. Дверь Власик открыл буквально на несколько секунд, забрав какие-то бумаги. Пробежал их глазами, хмыкнул и пошёл обратно к «Хозяину». Сталин посмотрел в бумаги, потом на меня и неожиданно усмехнулся. Атмосфера в комнате опять поменялась. Верховный передал бумаги Берии и глядел на меня, уже откровенно улыбаясь, вот только глаза у него были очень уж внимательные. Но заговорил он шутливым тоном:

– Поздравляю, Егор Петрович. Вас предлагают объявить во Всесоюзный розыск.

Он обратился к Берии и Власику, хотя, поскольку они были ознакомлены с документом, говорил явно для меня.

– Товарищ Доценко в Москве четыре дня, но уже успел отметиться. Почти в одиночку нейтрализовал банду Лорда. Помните: специализировался по ювелирным и антикварным магазинам? Сам Лорд убит, а двое его бандитов в тюремной больнице. Один с тяжёлым сотрясением мозга, второй с пулевыми ранениями обеих рук. Следователя живо заинтересовало, откуда такие навыки у простого инженера, даже служившего в пограничных частях. Приказали ему оставаться в гостинице. А мы его умыкнули, а, товарищ Власик. Тем временем следователь отправил запрос в Харьков и выяснил, что товарищ Доценко не то что в пограничных частях, а вообще в армии не служил. Его брат, который служит в НКВД, однозначно заявил, что Егор Петрович Доценко в Москве быть не может, так как 30 декабря 1939 года выехал на охоту в район Старого Салтова, под Харьков. В указанное место отправили сотрудников с целью проверки, а в гостиницу выслали наряд, где и обнаружили, что подозреваемый скрылся. «…Чем признал факт наличия состава преступления…» – Тут Сталин сердито

сказал Берии: – Я твоих сотрудников в школу отправлю, русский язык учить. А пока, что будем делать, Лаврентий, с пойманным шпионом? Как вас там по-настоящему?

Я встал смирно и ответил:

– Доценко, товарищ Сталин. Георгий Валентинович Доценко. Так получилось, что я внук этого самого брата – сотрудника НКВД, и моему отцу сейчас три года.

– Ну, так что же с вами делать, товарищ Доценко Георгий Валентинович, – Сталин по-прежнему улыбался, а его глаза по-прежнему сверлили меня насквозь.

– Товарищ Верховный главнокомандующий! – Я обратился так намеренно. Такой должности ещё нет, как нет и Ставки Верховного главнокомандования. Только я уверен, что Сталин идею запомнит.

– Товарищ Верховный главнокомандующий. Мне кажется, что существуют два варианта развития событий. Первый – вы мне не верите, считаете шпионом, сумасшедшим или что-то в этом роде. Тогда я попадаю на Лубянку или в Склифосовского, и всё остаётся как есть. Вариант второй – вы допускаете, что всё, о чём я доложил, – возможно. Тогда нужно начать с того, что создать специальную группу, которой я всё изложу. Всё что знаю. К примеру, по технике и вооружению – я знаю основные данные стрелкового оружия, принципы действия и схемы устройства. Также я знаю, какие из имеющихся разработок необходимо ускорить, а какие срочно начать. Ещё геология – могу указать районы залегания нефти, газа, руд и драгоценных камней. Я радиолюбитель, но уровень любителя середины 90-х может сильно помочь сегодня. Ну и армия. Структура подразделений, взаимодействие родов войск, тактика мотострелковых и десантных частей. Возможно, ваши специалисты подумают о чём-то ещё.

Я умолк. Мяч был на половине Сталина, мне оставалось ждать. Первым высказался Берия:

– Тут гражданин, видимо, хочет из лейтенантов попасть прямо в генералы. Взаимодействие войск, тактика… Ты что думаешь, в Красной армии нет хороших командиров?! Есть замечательные люди, с боевым опытом, закончили лучшие

академии, а ты их учить будешь, мальчишка!!!

Говорил Берия очень эмоционально, настоящий сын гор. И обратился ко мне «гражданин», что меня не сильно вдохновило. А Верховный молчал. Он уже не стоял, а прохаживался вдоль кабинета. Что сильно нервировало Власика, который, не имея возможности двигаться, не мог надёжно прикрыть объект. Но Сталин молчал, а Берия продолжал бушевать.

– В науке поможет, в технике поможет, алмазы и изумруды принесёт на блюдечке. Прямо лауреат всех Сталинских премий. Может, сразу памятник поставить на родине героя, а?!

Сталин снова остановился, теперь он стоял возле Власика, и сказал:

– Перестань, Лаврентий, – и что-то ещё по-грузински.

Ох, какой актёр умер в Лаврентии Павловиче. Он резко умолк и стоял спокойно, улыбаясь краем губ, будто не гремел несколько секунд назад.

– А скажите, товарищ Доценко, может, товарищ Берия в чём-то прав? – в глазах Сталина мелькнуло лукавство. – Ну, армия, может быть, вас ведь учили на нашем опыте. Но оружие, полезные ископаемые – откуда это?

– Товарищ Сталин, с оружием всё просто. Я его с детства люблю. И знаю о нём почти всё. А также краткие биографии большинства конструкторов оружия и некоторых конструкторов техники. А что касается геологии, то её мы учили в школе. Как раздел географии. То, что сейчас с огромными трудностями, проявляя порой настоящий героизм, о котором, кстати, никто не узнает, ищут геологоразведочные партии – мы учили на уроках. В учебниках и картах месторождения были подробно описаны, а мы их зубрили наизусть. Да и мама у меня по образованию учитель географии… Так что…

– Ну, хорошо, – Сталин покачал зажатой в кулаке трубкой, – это вы учили в школе, тому вас учили в училище. А насколько вы сами умеете это использовать? Вот вы командир. Десантник. Владеете приемами самообороны? Можете показать что-нибудь? Но учтите, эти товарищи, – он ткнул трубкой мне за спину, – тоже ими владеют.

– Как прикажете! – сказал я и исчез.

Точнее, выпал из поля зрения, используя технику онсин-дзюцу – «искусство невидимки». А дальше легко. Оказавшись за спинами охраны, парой ударов «из пустоты» уложил обоих, потом длинный прыжок – нырком, перекат и перехват руки Власика, который только начал доставать пистолет. Ну и несколько точечных ударов, «отключая» руку на пару минут. Можно было вырубить его совсем, но наживать врага, да ещё такого… Нет уж, спасибо! Обойдёмся. Эффект и так был достигнут.

Два профи охраны на полу, я в метре от Верховного, придерживая за локоть Власика. Им же прикрываясь от третьего лейтёхи из охраны, который ошарашенно стоит в дверях и не знает, что делать. Стрелять-то нельзя. Сталин прямо на линии огня. Я отпустил руку начальника охраны (она ещё минуты три действовать не будет), повернулся кругом и доложил:

– Товарищ Сталин, ваш приказ выполнен.

– Очень хорошо, товарищ Доценко. Вы нас убедили. Надеюсь, никого не покалечили?

– Старался аккуратно, товарищ Сталин, если не вышло, приношу свои извинения.

– А они не обидятся, скорее, потребуют научить. Правда, Николай Сидорович!? – Сталин сунул в рот трубку, глядя на Власика.

– В жизни такого не видел, – сказал тот, отдуваясь и потирая правую руку левой, – но теперь придётся вам, товарищ Доценко, попотеть на занятиях над этими приёмами, обучить моих бойцов.

– Не только ваших, – негромко сказал Берия.

– Не спорьте, работы у товарища хватит, ещё не рад будет, что к нам в гости попал, – сказал Сталин и, неожиданно становясь серьёзным, спросил: – Так какой информацией вы хотели с нами поделиться?

– Товарищ Сталин, – сказал я, – до весны 1941 года я обладаю лишь небольшим количеством фактов и дат, зачастую без какой-либо логической связи. И я очень надеюсь, что с 22 июня 1941 года и до 9 мая 1945-го мои данные будут неверны абсолютно. Но есть некоторые события, которые имеют в будущем огромный, и не всегда положительный, эффект.

Самый простой пример – это назначение конструктора Яковлева на должность замнаркома авиапрома по экспериментальному самолётостроению. Он прекрасный конструктор, его истребители сыграли ведущую роль в войне в воздухе, но… Он очень амбициозный человек. Став начальником, он фактически отодвинул всех остальных конструкторов истребителей. Да и не только. Дело дошло до того, что в разгар войны конструктору Лавочкину пришлось обращаться к вам напрямую, чтобы наладить выпуск отличного истребителя Ла-5. А ведь уже сейчас в бюро Поликарпова разрабатывается машина, по своим боевым качествам превосходящая все истребители периода будущей войны. И наши, и немецкие, и американские. И вот этот самолёт так и не пошёл в серию, было построено всего 4 машины.

И намного более серьёзно. Прошу особого внимания товарища Берии как наркома НКВД. Сейчас идёт чистка рядов НКВД и реабилитация невинно осуждённых. Тем не менее иногда процесс всё ещё превращается в выбивание признаний из подследственных. Людей арестовывают по любой анонимке, а затем некоторые следователи выбивают показания.

Вот вам пример. Сейчас в Финской компании испытывается автоматический гранатомёт конструктора Таубина «АГ-2». Выявленные недостатки легко устранимы. Однако миномётчики очень обеспокоены, что это помешает их работе, и всячески дискредитируют идею. Перспективное оружие будет забыто на 40 лет. И хотя конструктор продолжил работать над другими видами вооружения и даже, кажется, был награждён, в мае 1941 года его арестовали. В качестве обвинений – расточительство, срыв сроков разработок, тот же АГ-2. В сентябре 1941 года, в самое страшное для страны время, его расстреляли.

Из-за такого подхода к следственной работе к началу войны было расстреляно или отправлено рубить лес очень много способных, образованных и имеющих опыт инженеров, конструкторов и военных. К началу войны армия оказалась не готова. Командирам не хватало опыта или знаний, или и того и другого. Ну и накомандовали. В течение первого дня войны фашисты продвигались вглубь страны на расстояния от 15 до 60 километров. А к 26 июня были потеряны

многие города, включая Гродно.

В кабинете снова повисла тишина. Сталин, понемногу краснея, смотрел то на меня, то на Берию. Главный чекист смотрел только на меня. Следовало что-то говорить, и я продолжил:

– И ещё. Огромную отрицательную роль сыграла отмена партмаксимума. Если до того на руководящие посты шли люди более-менее убеждённые, знающие, что ответственность высока, а материально это не слишком выгодно, то после… Во власть косяком пошли люди, готовые рискнуть многим ради построения коммунизма – для себя лично. Им плевать на страну, им плевать на народ. Их вера – деньги, их цель – приобретение. Разрешение иметь больше, чем положено простому гражданину, привело к тому, что в 70-х годах не было или почти не было честных чиновников. Воровали, брали взятки, занимались подлогами. Лишь бы иметь дом побольше, машину получше, украшения побогаче.

– А как же НКВД?

Этот вопрос задал Берия. Он по-прежнему смотрел только на меня, и глаза за стёклами очков были, нет, не бешеные. Просто обладали всеми свойствами лазерного луча. Ещё немного, и меня прожжёт насквозь. Но вопрос задан…

– Многие старые, убеждённые чекисты за время чисток были уничтожены или выброшены из органов. Большинство же тех, кто пришёл им на смену, любили только власть. Власть над людьми, над жизнью и смертью других. Власть не ради истины или веры, а ради самой власти. Долго ли они продержались, поняв, что в качестве приложения можно получить ещё и красивую жизнь?

– Страшно! – сказал Сталин глухо. – Мы строили совсем другой мир, этого не может быть. Это ЛОЖЬ!

Он яростно ткнул трубкой в мою сторону, уже почти крича.

Ничего у меня не вышло, всё впустую. Мне не поверили. Не хотят поверить, что нарисованная в их воображении красивая картинка – не красивая. Что всё не так, как им хочется. А значит, мне крышка. И раз так, то и терять мне нечего. На душе стало легко. Как при первом прыжке, в первую секунду полёта, когда пути назад уже нет, и страх и восторг слиты воедино.

– Так в чём проблема, товарищ Сталин? Вы считаете, что я напросился сюда, чтобы рассказать страшную, лживую и глупую сказочку? Напросился, зная, что одного вашего слова хватит, чтоб меня шлёпнули в ближайшем чулане? Что ж, милости прошу. Приказывайте. Я не знаю, что произойдёт. Может, я умру здесь и вернусь в своё время. Может, погибну окончательно. Не знаю. Но я готов рискнуть. Я уверен, что даже если я исчезну, вы запомните эту встречу. И что-то может измениться. И, возможно, эхо докатится и до моего времени.

Верховный смотрел на меня, а вот Берия смотрел на Верховного. Странно так смотрел. Словно и хочет, чтобы тот отдал приказ, и не хочет. А Сталин смотрел и постепенно загонял куда-то внутрь свою злость и неприятие моих слов и меня. Всё так же глухо он сказал:

– Товарищ Власик, обеспечьте товарищу место проживания, где-нибудь с вашими людьми. Пусть пока займётся их физическим обучением. Документов у него нет, так что поставьте на временное довольствие. К нам никого не пускать.

Меня «вышли» за 30 секунд, не больше. Одеваться пришлось уже на пути к машине, что было очень вовремя. Только на улице я понял, что от спокойствия, выдержки и сил вообще остался пшик. От меня шёл пар, и внешние -40 градусов пришлись вельми кстати. Ехали мы часа полтора и приехали в странное общежитие. Во-первых, находящееся в глухо закрытом дворе. Во-вторых, с часовыми у ворот. Ну и в-третьих. Собственно жилья там было человек на тридцать, плюс-минус допуски. Остальное – службы.

В комнате, куда меня поселили, жил, судя по кубарям на кителе, старший лейтенант ГБ НКВД. Он и зашёл минут через пять после меня. Лет 26–27, чуть повыше меня ростом, со слегка оттопыренными ушами и светлыми волосами на пробор. Похоже, он был в умывальной, так как на нём были брюки-галифе, сапоги и белая майка. И ещё. Кажись, по дороге ему дали инструкции в отношении меня. Да ещё кое-чего рассказали о моих умениях. Парень был крепкий, под кожей литые мускулы, вот и решил сразу всё проверить. Люблю таких: быстрых и решительных. Чего не люблю: среди нашего брата, военного, таких больше всего на кладбище. После обмена стандартными «здрам – желам» мой новый знакомый взял быка за рога.

– Ты, говорят, знаешь какие-то особые приёмы? – сказал-спросил он. – Покажешь что, по-соседски?

Он протянул руку… и упал. Тут не нужно и ниндзюцу, достаточно «боевой механики» Кадочникова. Просто перехватил кисть, нежно, двумя пальцами, и продолжил движение к точке потери равновесия. Ну и чуть-чуть потянул. Главное, внешне он сам упал, только вряд ли понял как. И от неожиданности не сгруппировался правильно. Ну и хрясь, приложился об пол со всей молодецкой удалью. Поднялся, потирая ушибленный локоть и, скорее всего, вывихнутое запястье.

– Извини, брат, не рассчитал. Давай помогу.

Я быстро нажал несколько точек и особым образом потянул за запястье. Тот пошевелил рукой и посмотрел на меня с интересом.

– Здорово. Научить можешь?

– Так вроде для этого и прибыл. Только потребуется время, желание и терпение.

– Ты только скажи, за мной дело не станет, – автоматом переходя на «ты», сказал мой сосед и, спохватившись, представился: – Сергей Голубев. Старший лейтенант.

– Георгий, можно Егор, пока не знаю кто, – ответил я, протягивая руку.

Инструкции Серёге действительно дали. Для начала мы отправились на вещевой склад, где я получил полную экипировку, правда, без петлиц, и сапоги. Переодевшись, уже в нормальном военном прикиде я час знакомился с расположением. Это было общежитие – спецшкола – тренировочная база охраны Самого. И тут было всё. От класса самоподготовки до тира в подвале. Кухонный блок, банно-прачечный блок, библиотека, спортзал – всё к услугам трёх десятков ребят, отвечающих за жизнь товарища Сталина.

Потом, за ужином, познакомился с остальными обитателями базы. Их было 21 человек, остальные жили по домам. По большей части более старшие – семейные. После ужина почитал последние новости и пошёл спать. Закончился мой четвёртый день «новой» жизни, знать бы, сколько их осталось. С этой мыслью я и заснул.

На следующий день началась моя работа. В спортзале собрались мои новые ученики, с Серёгой во главе. Для начала я погонял их по залу, выясняя общий уровень подготовки. Тут всё хорошо, даже замечательно. Потом показал кое-что из своих навыков, включая некоторые экзотические приёмы из арсенала тай-дзютай и онсин-дзюцу. И работу по точкам. А дальше началось. Я показываю – остальные повторяют. В спарринг-партнёры взял, разумеется, Сергея. Интересная у него была подготовка, какая-то чересчур специфичная для охраны. И ловил он всё с одного раза, максимум пару повторов. Так что летал я много и сильно. Без опыта инструктора в Будзинкан-додзё давно бы уже не встал. Так и пошло. С завтрака и до обеда тренировка, после обеда час перерыва и снова тренировка, но покороче. С пяти вечера я был «свободен».

На территории базы. Хошь спи, хошь книжки читай, хошь музыку слушай. Кстати, я понял, почему наши родители так неплохо разбирались в классической музыке. Кроме новостей и спортивных состязаний, постоянно транслировались классические концерты. Моцарт и Бетховен, Шопен и де Бюсси. Так прошла неделя, пошла вторая. Уставал страшно. Не столько от «физики», что мне эти тренировки, обычная работа, а от неизвестности.

Потом появилась надежда. 9 января (как и было в моей истории) опубликовали Указ о назначении Алексея Ивановича Шахурина наркомом авиационной промышленности. А вот постановления о назначении А.С. Яковлева его замом не было. Ни 11, ни 12, ни 13 января. Прислушались? Тогда почему больше ничего? А вечером 17-го числа, после окончания тренировки, в дверь нашей комнаты постучали. И приказали быть готовым к выходу через тридцать минут.

В 18.00 мы сели в машину. Вскоре я уже входил в знакомый кабинет. Власика на этот раз не было, только Сталин и Берия. После короткого приветствия Берия подал знак, и охрана вышла за дверь.

– Наши войска под Саллой отброшены назад на 19 километров, как вы и предупреждали.

Сталин начал без предисловий.

– Вы можете сообщить ещё что-либо важное?

– Очень немного, товарищ Сталин. Финской кампанией я не очень интересовался. Наступление финнов будет остановлено через несколько дней. 11 февраля будет прорвана линия Маннергейма. 13 марта будет подписан мирный договор. Да, ещё. Где-то в конце февраля Финляндия обратится за помощью к скандинавским странам, но они решат сохранять нейтралитет. Вот, собственно, и всё.

Берия криво усмехнулся и что-то сказал Сталину по-грузински.

– Вот товарищ Берия говорит, что для пророка вы не слишком хорошо осведомлены. Можете ответить на это?

– Товарищ Сталин, я не пророк. Мало того, я даже не историк, я солдат. Историю я помню в пределах школьного курса. Только историей войны с Германией я интересовался всерьёз и имею очень подробные сведения, но и это, увы, не поможет.

– Даже так, не поможет. А почему не поможет, товарищ Доценко?

– Товарищ Сталин, я уже говорил. Если вы мне поверите, то той истории просто не может быть. Она изменится полностью. В моё время фантасты называли это «эффект бабочки». Ну, а если не поверите, то я вряд ли смогу быть полезен.

– А что, Лаврентий, – Сталин засмеялся, обернувшись к Берии, которому смеяться явно не хотелось, – в чём-то он прав, как думаешь?

Очень мне не нравилась его весёлость, но через секунду он снова смотрел на меня. Смотрел спокойно и серьёзно.

– Это хорошо, что вы говорите правду, а не пытаетесь что-то придумать. В пророков мы не верим, а обман всегда открывается, рано или поздно. Мы проверили ваши данные о новых вооружениях. Нами дано указание о доводке и серийном производстве гранатомёта. Мы проверили и то, что вы говорили о выбивании показаний.

Тут Сталин посмотрел на Берию, подумал и что-то сказал по-грузински. Берия возразил на том же языке, но Верховный покачал головой и добавил что-то ещё.

Берия пошёл к двери, по пути глядя на меня. Скажем, не очень приветливо. Похоже, дружить семьями мы не будем. Ну да переживу, главное, Сталин мне верит. Верит! Едва за Берией закрылась дверь, Верховный продолжил разговор.

– Ну что, товарищ Доценко, выпьем чаю и поговорим. Чай действует успокаивающе, а разговор будет серьёзный, так что не расслабляйтесь.

– Постараюсь, товарищ Сталин.

Мы сели у небольшого столика в углу. Там стоял самовар, заварочный чайник, чашки и вазочки с печеньем и фруктами. Верховный, как хозяин, налил чай и подвинул ко мне печенье.

– Наливайте чай, Георгий Валентинович.

– Спасибо, товарищ Сталин, – сказал я вставая.

– Сидите, что вы вскакиваете, этак мы беседовать будем до послезавтра.

– Виноват, товарищ Сталин, – сказал я, продолжая стоять. – Просто говорить «спасибо» без обращения – невежливо. А говорить «спасибо, товарищ Сталин» сидя – странно.

– Экий вы законник, – Сталин ухмылялся в усы, – придётся переходить на имя-отчество, а, Георгий Валентинович? Зовите меня по имени-отчеству, и продолжим разговор.

– Спасибо, товарищ Сталин. Извините, Иосиф Виссарионович, – я снова сел.

Сталин серьёзно смотрел на меня.

– А что вы, лично вы, думаете о чистках в рядах армии и партии, которые назвали вчера репрессиями?

– Кроме ощутимой пользы, которую принесло освобождение армии и партии от зарвавшихся и зажравшихся личностей, был нанесён колоссальный вред. Людишки, желающие быстро сделать карьеру, обвиняли вышестоящих

командиров или начальников, если на гражданке, в подрывной деятельности, аполитичности и так далее. А другие людишки, в рядах НКВД, выбивали из обвинённых признания в измене и имена других участников «заговора». А то и ещё проще. Писали признания сами, пытками заставляя подписать уже готовый протокол.

– Из настоящего коммуниста нельзя выбить признание в измене, – резко сказал Сталин.

– Вы ошибаетесь, Иосиф Виссарионович. Человек, который умер бы под пытками в белой контрразведке или гестапо, но не открыл рта, – ломается, когда калечат свои. Или насилуют жен у них на глазах – эти свои. Бывало и такое. Или грозят отправить в лагерь детей, если не признаешь, что враг. Этого не выдерживает почти никто. Хотите пример? В двадцатых числах января, в моей истории, расстреляли Исаака Бабеля. Он никогда не увлекался политикой и уж точно не шпион.

А 2 февраля расстреляют Михаила Кольцова и Меера Трилиссера. Трилиссер – организатор службы внешней разведки, создатель агентурной сети за рубежом, верный стране и партии человек. Возможно, он слишком еврей и склонен использовать именно своих соплеменников в своём деле, но враг? А Кольцов? Он ярый защитник страны Советов. Ярчайший публицист и замечательный редактор. Я зачитывался его очерками об Испании даже в моё время. Если он враг, то побольше бы таких врагов. И его обвинили в шпионаже? Под пытками он назвал более 70 имён, это делает его главой заговора?

Я выдохся и замолчал. Сталин сидел, сгорбившись и хмуро разглядывая носки мягких сапог. И молчал. Я продолжил.

– Я бы пересмотрел, остановил исполнение приговоров и пересмотрел все дела по 58-й статье. О необходимости такого шага, кстати, говорилось в приказе товарища Берии от 17 ноября 1938 года. Если единственная улика – это признание и самооговор обвиняемого – отпускать с извинениями и возвращать в строй. Это двинет вперёд науку и технику. Это вернёт хороших спецов в армию. Это вернёт людям веру во власть.

Сталин встал и прошёлся по кабинету. Я вскочил следом.

– Сиди, Георгий Валентинович, – сказал Сталин и продолжил расхаживать возле стола.

– Значит, вы считаете, что многие из арестованных действительно невиновны? – спросил он спустя некоторое время. – Значит, те, кто их посадил: враги, вредители. Они хотят обезглавить нашу армию и науку. Их надо арестовать, судить и сажать вместо тех, кого они посадили или уничтожили.

– Иосиф Виссарионович! Их действительно надо судить и сажать. Или хотя бы выгонять из органов, с запретом заниматься любой деятельностью, дающей власть над людьми. Но вот кого я точно посадил бы – это тех, кто писал доносы на честных людей, в надежде занять их места. Этих даже бить не надо, просто показать донос и сообщить, что человек признан невиновным, из-под стражи освобождён и даже получил от государства компенсацию. За потерю здоровья, времени и моральный ущерб. А ты, мил человек, ответь – с какой целью оклеветал честного человека? Врагу помогал? Они со страху сами всё расскажут, чего хотели. Должность, квартиру, невесту. Или просто сволочь от природы.

Сталин неожиданно засмеялся.

– Интересный вы человек, товарищ Доценко. И хитрец. Значит, людям, властью обиженным, компенсацию платить. А нужна она им, если они такие честные?

– Им, может, и нет, товарищ Сталин. Им, может, хватит того, что они снова на свободе, снова в строю. А вот их семьям, которые выгоняли из домов и квартир, высылали за 101-й километр и оставляли жить с клеймом «семья врага народа» – им важно. И окружающим важно видеть: их страна – самая справедливая. Ошиблась – поможет. Исправит ошибку, поднимет на ноги, вернёт честное имя и самоуважение. Да и людей с мелкой душонкой остережёт, мол, не хватай у упавшего, а то встанет, и мало не покажется.

А если дело в средствах… Помните, я говорил о месторождениях драгоценных камней, золота? Я тут старался вспомнить, по вечерам. И могу указать, хоть и приблизительно, месторождения. Это дополнительные средства в казну. Часть их можно направить на компенсации. Месторождения золота в Иркутской области и в Красноярском крае. Есть ещё «Жиганский улус» на реке Лена. Крупное месторождение алмазов. Места там труднопроходимые, но оно того стоит. Могу указать примерные координаты.

Сталин стоял напротив меня, покачиваясь с пятки на носок. Стоял и смотрел, посасывая незажжённую трубку.

– Интересный вы человек, – снова повторил он, – в тех местах и поселений-то нет, как искать? Но я возьму грех на душу, уж очень заманчиво звучит. Компенсации или нет, а золото и алмазы стране не помешают. А то мы, от недостатка средств, историческое наследие продаём. Картинами из музеев договора оплачиваем, чтоб валюту заработать. Так что завтра поговорите с геологами, может, ещё что вспомните.

Сталин снова заходил по кабинету. В дверь постучали, и вошёл Берия. Кивнул и остановился. Я поднялся, мельком взглянув на часы. Во, блин, почти час ночи.

– Ну, что же, Георгий Валентинович, – Верховный продолжил говорить спокойно, без излишнего дружелюбия, но и не хмуро. – С завтрашнего дня ваше расписание меняется. Обучать бойцов охраны будете вечером, а с утра займётесь передачей тех данных о науке и технике, которые вы нам обещали. Ещё вы говорили, что можете назвать людей, чья работа улучшит нашу обороноспособность. Сейчас пройдёте в библиотеку и напишете список. Постарайтесь вспоминать поподробней, я видел, вы это можете.

Вот так, только что чаем угощал, а сейчас разговаривает как с помощником младшего истопника. Но зато что-то движется.

– Есть, товарищ Сталин.

Я выполнил поворот кругом и вышел из кабинета. Хорошо хоть в прихожей ждал один из моих учеников. Проводил как своего, а не как подконвойного.

В библиотеке меня ждала бумага, ручка и чернильница, будь она неладна. Что ж, начнём. Первым в списке был Судаев Алексей Иванович. Создатель лучшего пистолета-пулемёта Второй мировой «ППС-43». На данный момент сотрудник Научно-исследовательского полигона стрелкового оружия. За ним Симонов Сергей Гаврилович. Его «СКС-45» вместо «трёхлинейки» – это ж смерть фашистским оккупантам. Идея у него уже есть, надо подтолкнуть в нужную сторону. Так, теперь. Елизаров и Сёмин – создатели промежуточного патрона обр. 1943 года. Половину всех «патронщиков» под них, но чтобы сделали за пару месяцев.

Калашников Михаил Тимофеевич. Конечно, молод ещё, служит в г. Стрый. Владимиров Семён Владимирович, г. Ковров. Ну и так далее. Полтора десятка имён людей, занятых в области стрелкового оружия, танковой, артиллерийской и авиационной промышленности. Последним в списке был профессор Сухаревский, исследователь кумулятивного эффекта. Когда я, наконец, отложил перо, было около трёх часов ночи. Подошедший охранник проводил меня обратно в кабинет Самого. Он постучал, доложил о прибытии, положил мои списки перед Сталиным и вышел. А я остался стоять. Верховный просматривал моё произведение, передавая листы Берии. Наконец передал последний из списков и посмотрел на меня.

– Это все?

– Это те, товарищ Сталин, чьи данные я помню более-менее подробно и точно.

– Что же. Людей вы указали много, живут они далеко, так что, пожалуй, до завтра мы их не соберём. А, Лаврентий? – он повернул голову к Берии.

– Может, и завтра не соберём, – ответил Лаврентий Павлович, – может, послезавтра.

– Так. Тогда послезавтра и соберёмся. Какие у вас мысли, как следует это сделать? – это уже ко мне.

– Товарищ Сталин, я предлагаю некоторым просто дать задания на производство нужной техники. Другим лучше передать данные, якобы добытые нашей разведкой, и предложить проработать. Вот только мне кажется, что это должен сделать кто-то другой. Постарше, повыше рангом. Тогда ему поверят и сделают всё возможное. Я готов написать всё, что вспомню, нарисовать эскизы, наброски. Подготовить черновые чертежи и схемы для радистов. Но до специалистов это должен довести кто-то другой.

– А почему всё-таки вы не хотите делать это сами?

– Товарищ Сталин! Для «спецов» я – неизвестно кто. Странный человек со странной информацией. Не поверят. Кроме того, я строевой командир и хочу им остаться. Очень надеюсь, что так и будет. Рано или поздно.

– Хорошо, идите. Мы подумаем над вашим предложением.

До своей койки я добрался после пяти утра и сразу отрубился. В десять меня разбудил Сергей, сказал, что меня ждут с завтраком и вообще пора отправляться. В 10.45 мы выехали из ворот. Меня привезли на Кунцевскую дачу, но к Сталину не повели, а сразу направили в библиотеку. Там дали кучу канцтоваров и приказали приступать к работе. И я начал писать. Крупно и чётко.

ТТХ самолётов и танков. Устройство автомата, пистолета-пулемёта и карабина. Отдельно предложение перейти от патрона «браунинга» 7,62Х25 на немецкий 9Х19 «парабеллум», для чего получить лицензию на его производство. Оружие разрабатывать под оба боеприпаса. Записывал данные на промежуточный патрон и описывал устройство барабана от «АГС-17» применимо к «АГ-2». Короче, мы писали.

Тут было всё и обо всём. Первые три дня меня возили в Кунцево, а потом стали возить в НИИ или ОКБ, чёрт его знает. И снова я добрым словом вспомнил своих учителей и преподавателей. Они вдалбливали в нас знания, несмотря на наши протесты. Они впихивали в нас информацию, которой мы не видели применения. Поскольку считалось, что у меня есть способности, мне доставалось вдвойне. Зато и результат.

Я видел как на ладони схемы радиоустройств и контурные карты с данными месторождений. А описывая «ГАЗ-66», чётко представил схему двигателя и плакат с деталировкой. То же и с БТР. С людьми я виделся редко, меня провожали прямо в кабинет. Там я и работал до трёх часов. Потом увозили на базу. Вечерами я продолжал тренировать людей Власика. Хотя, кажется, не только их.

Так продолжалось до конца февраля. Несколько раз мне казалось, что мозги высохли и больше я ничего не знаю, но в дверях появлялся человек, передавал очередной список вопросов, и всё шло по-прежнему. Время остановилось. Сработал эффект «кругов на воде». Стоило дать какую-то информацию, как возникала куча дополнений и уточнений. О результатах этой писанины я не знал ничего. И, возможно, ещё долго не узнал бы, не встреть я 1 марта этого кретина.

Нет, мужик был красавец. В форме майора НКВД, китель тёмно-зелёный, бриджи синие, сапоги сияют… И млел он от себя любимого, как красна девица перед

зеркалом. Чего он делал у этого НИИ, откуда я вышел, не знаю. Но чёрт меня дёрнул сорвать цветок с клумбы и, проходя мимо, сунуть ему в руки со словами: «Для прекрасных дам!» Несколько проходивших мимо девушек прыснули, а поднимавшийся по ступеням мужчина закашлялся, явно стараясь спрятать смех.

Майор побелел, потом покраснел и заорал:

– Эй, ты. Ко мне бегом. Немедленно.

Ну, я глянул через плечо и сел в машину. И забыл о нём через минуту. А он обо мне – нет. День окончился как обычно, утром всё повторилось, как всегда: утро в НИИ, возвращение в общагу, обед, тренировка. Где-то около одиннадцати в дверь постучали. Серёга был ближе, он и открыл… И улетел вглубь комнаты, а вслед за ним ворвались трое в форме НКВД. Ворвались и замерли. Серёга стоял у окна на одном колене, и в каждой руке у него было по «ТТ». И когда успел достать?

– Стоять! – сказал он очень спокойно. – Предъявите документы, или я буду стрелять.

– Опустите оружие! Я младший лейтенант НКВД Степчук. У меня ордер на арест гражданина Доценко Егора Петровича.

– Это я, – не давая Серёге открыть рот, сказал я, – а в чём меня, собственно, обвиняют?

– Во всесоюзном розыске, и не знаешь? – сипло сказал младшой и снова посмотрел на Серёгу. – Уберите оружие.

Сергей опустил пистолеты.

– Я старший лейтенант, – он на секунду запнулся, – Голубев. Кто подписал ордер на арест?

– Майор НКВД Толстой, – сказал младший лейтенант так, будто майор был звездой первой величины.

– Я немедленно доложу о ваших действиях, – сказал Серёга.

– Докладай, докладай, – теряя к нему интерес, огрызнулся Степчук, и уже мне: – Пошевеливайся, а то мы поторопим.

Через две минуты мы шли к выходу. Было тихо, большинство людей спали или были на дежурстве. Я видел только пару часовых у ворот, и всё. Меня запихнули в «воронок» и повезли. В полной темноте мы подъехали к большому зданию, и меня поволокли внутрь. Тут они уже не церемонились. Тут они были у себя. После нескольких пинков и толчков я, со скованными сзади руками, сидел на табурете в камере для допросов. А напротив, за столом, сидел тот самый красавец-майор и скалился.

Степчук подошёл к нему, они обменялись парой фраз, и Степчук, чем-то довольный, пошёл к выходу. Двое, что были с ним, остались у меня за спиной. Ещё один, здоровяк с дебильной мордой, стоял справа от стола.

– Вот и встретились, – снова оскалился майор. – Давай рассказывай.

– О чём? – спросил я, с интересом глядя на него и внутренне настраиваясь на «беседу».

– Как ты собирался убить товарища Сталина. Вместе со своими сообщниками. За японские деньги. Давай, колись.

– Дурак ты, майор, – сказал я, светло улыбаясь. – Ты хоть что-то про меня узнал, кроме имени у вахтёра в институте? Откуда твои дуболомы меня вывезли, знаешь? Ничего ты не знаешь, а стоило бы.

Майор побелел от злости.

– Значит, ты умный. Ну, да у меня и умные, и сильные, и гордые – все говорят. Что МНЕ надо говорят. И лучше говори по-хорошему, а то, – он кивнул дебилоиду.

Тот поднял резиновый шланг и, размахнувшись, ударил меня по животу. Пацан. Да если я готов, меня можно бейсбольной битой лупить, а я стопроцентно готов.

Они явно ожидали, что я согнусь, заору или свалюсь на пол. Двое стоявших сзади, одновременно с ударом, крепко взяли меня за плечи, не давая упасть. Так что реакция на первый удар их не удивила. Просто майор дал знак продолжать, и этот эритрично-торпидный урод минут пять бил меня по животу и ногам.

И перестал. Реакция была непривычной. Я не орал, не терял сознания, не пытался упасть. Сидел и смотрел на этого потенциального покойника – майора. А он уже разозлился, и теперь меня обрабатывали двое, а держал один. А я думал о Серёге. Уверен, он уже связался с кем надо, а значит, надо продержаться чуть-чуть. Майор чего-то орал, меня опять били, но лицо не трогали, что интересно. Как оказалось, это он оставлял для себя.

Подскочив, он от души врезал мне по скуле. Чёрт, ещё зуб выбьет, кто его знает, какие тут стоматологи. Майор разошёлся, двинул ещё раз и ещё. А потом я уловил изменение обстановки. За закрытой дверью что-то происходило. А этот урод всё бил и бил. Не то чтобы я совсем не чувствовал боли, но сознания не терял и поворачивал голову так, чтобы удары наносили только внешние повреждения. Так что зубы я сохранил. В дверь застучали. Избиение прекратилось, один из палачей открыл. И отступил внутрь перед четырьмя крепкими ребятами с кубарями в малиновых петлицах.

На лице майора отразилась досада. А вот следом удивление, а за ним и испуг. Я повернул голову. Вслед за сотрудниками ГБ вошёл Берия. Посмотрел на меня, потом на майора и спросил:

– Что тут происходит?

– Вот, товарищ комиссар госбезопасности первого ранга, задержали заговорщика. По поручению японской разведки хотел убить товарища Сталина. Вот его показания, только подписать он пока не успел. Это целая организация, Степчук поехал за вторым, а потом они назовут остальных.

– И кто второй? – внешне спокойно поинтересовался Берия. Будь майор умнее, наделал бы в штаны со страха. Но дурак, он и есть дурак.

– Второй – старший лейтенант Голубев, подробностей пока не знаю.

– Отпустить, – коротко приказал главный гэбист, и меня тут же отпустили.

Я встал. Цепь у этих старых наручников длинная, что твоя скакалка. Я подпрыгнул и перевёл руки в положение спереди. Майор дёрнулся назад, двое его подручных – вперёд.

– Отставить, – Берия уже кричал. На роже майора снова появилось беспокойство.

– Позовите Голубева.

Серёга зашел в камеру через минуту. Глянул на меня, и на скулах у него заиграли желваки.

– Ты этого старшего лейтенанта хотел арестовать, засранец?

Всё. Теперь майор действительно испугался. До дрожи испугался, аж зубы застучали. А Берия подошёл к нему вплотную и начал орать:

– Ты куда залез, идиот? Ты где арест произвёл, паршивец? Ты в хозяйстве Власика человека арестовал, понимаешь? Твои костоломы вообще думать разучились? Ты кого в заговоре обвинил, знаешь? Его на утро товарищ Сталин пригласил, лично, а ты что творишь?

Я думал, у Лаврентия Павловича удар будет, так он покраснел. Или пенсне расплавится. Но нет, обошлось. Он успокоился так же резко, как и начал грохотать.

– Этих четверых арестовать. По всем их делам провести следствие. И если у тебя все дела на таких признаниях… Если погибли ценные для нашей Родины люди… Я тебя не расстреляю. Я тебя отправлю на всю твою поганую жизнь. И не лес валить, а дерьмо убирать за теми, кто его валит. Увести!

Часа через полтора я уже был в санчасти всё того же хозяйства Власика. Надо мной колдовал какой-то именитый военврач, поднятый с постели в 2 часа ночи. Как оказалось, допрашивали меня недолго, минут сорок – сорок пять, но серьёзно, живого места не оставили. Внешне. «Железная рубаха» тем и хороша, что синяки остаются, а внутренностям хоть бы хны. А я её, родную, с 15 лет нарабатывал. Короче, легко отделался, спасибо Серёге.

Эти клоуны ещё отъехать не успели, а он уже всех поставил на уши. И доложил куда надо. На выяснение места, куда меня повезли, ушло минут тридцать, а дальше закрутились такие колёса! Как я выяснил несколько позже, всё это время, до 2 марта, Берия доказывал Сталину, что такого быть не может. Что его служба просто так, на голом месте, дел давно не шьёт. Да ещё расстрельных. А тут на тебе, прямо перед носом у Самого такой афронт.

Ну, в общем, меня обтёрли, наложили пару швов и накачали обезболивающим и снотворным. Проснулся я в нашей с Сергеем комнате. За окнами было темно, так что проспал я минимум часов 17–18. Во рту сушняк, пришлось встать и налить воды из графина. Бодро так вскочил, поначалу даже сам не понял некоторой странности. А потом дошло. Глянул на руки – ноги, а там никаких следов. Нет, если присмотреться, видны желтоватые пятна, как от недавно сошедших синяков, но и всё.

Я быстро подошёл к зеркалу. Так и есть, с физиономией тот же прикол. Это ж сколько я спал, граждане? На столе, как всегда, лежала газета «Правда». Это Сергей вводил меня «в обстановку», вечерами читая статьи и заметки. Эта газета была от 4 марта. Двое суток? Гм… Взгляд упал на указ об учреждении Сталинской премии за геолого-географические открытия. Опаньки. Неужели уже нашли месторождения? А иначе зачем учреждать такую премию?! Логично? Логично! Дверь открылась, и на пороге замер Сергей. Стоял и рассматривал меня, как картину, склонив голову набок.

– Н-да, явление Христа народу, – голос дурашливый, а вот взгляд – серьёзнее некуда. – Если бы сам тебя не привёз два дня назад, не поверил бы, что тебя четверо уродов мордовали битый час.

– Слушай, Серёга, я сам офонарел, к газете кинулся, дату посмотреть. Думал, это ж сколько я проспал.

– Больше сорока часов, все рекорды побил. Зато встал как новенький.

– Ага, радости полные штаны. Сейчас набегут светила науки, начнут изучать феномен, да и разберут на микроблоки. От восторга.

– На что разберут?

– На микроблоки, ну, отдельные небольшие части радиоустройства.

– А, понял. Так, ладно. У меня приказ: проверить, в каком ты состоянии, и, если в удовлетворительном, к 23.00 доставить к товарищу Сталину.

– Ну, я в порядке, сам видишь. Только к товарищу Сталину в кальсонах?

Сергей засмеялся.

– Жди здесь, я доложу, что ты в порядке. Об остальном не волнуйся, ещё на пару штанов нашей службы снабжения хватит.

С тем и исчез. А минут через двадцать в дверь постучали. Солдатик из обслуги принёс целый комплект одежды. Когда Серёга вернулся, я уже был одет и в шинели. Шапки не было, была фуражка. С голубым околышем. Зато Сергей, нет, старший лейтенант госбезопасности Голубев был вообще при полном параде. Только шашки не хватало.

– Готов? Поехали.

Ровно в 23.00 мы вошли в кабинет Сталина. Как и в первое моё посещение, он стоял у стола, рядом с ним стоял Берия. После приветствия Сталин сделал к нам несколько шагов, а Берия вообще подошёл почти вплотную.

– Нет, товарищ Сталин, вы посмотрите на него. Два дня назад живого места не было, а сейчас? Ты вообще человек, а?

Берия говорил эмоционально, но не зло. Уже плюс. Сталин вёл себя спокойнее.

– Ну, что, досталось вам, товарищ Доценко? Ничего. За одного битого двух небитых дают. Вот что. Той информацией, которую вы нам предоставили, заняты все специалисты во всех наркоматах. Кое-что уже сделано. Многое ещё предстоит сделать. А мы посоветовались и считаем, что пришло время использовать вас в другом качестве. Вы ведь хотели снова в строй?! Вот и приступайте. А то засиделись за столом, с какими-то дураками не справились.

Сталин усмехнулся.

– Правильно сделали, руки не запачкали и нам кое в чём помогли. Вы в армии кем были?

– Командир разведвзвода, гвардии лейтенант, товарищ Сталин.

– А если бы продолжили службу, кем бы были сейчас?

– Если бы всё шло нормально – капитан. Командир роты или заместитель комбата. Если бы очень хорошо – майор и командир батальона.

Сталин вернулся к столу, достал из коробки папиросу «Герцеговина флор», закурил и посмотрел на меня. Вот интересно, имеет какое-то значение – курит он трубку или папиросы? А Верховный смотрел. С прищуром так смотрел, серьёзно.

– Считайте, товарищ Доценко, что получилось очень удачно. Лаврентий…

Берия взял со стола пачку документов, подошёл ко мне. Пару секунд смотрел и вдруг широко улыбнулся:

– С днём рождения, именинник. Поздравляю, теперь ты снова полноправный гражданин нашей Родины.

И отдал мне документы. Верхним было командирское удостоверение личности. Моя фотография. Мои настоящие фамилия, имя и отчество. Звание: майор. Должность: командир 1-го батальона 301-й ВДБр. Я просмотрел другие документы. Продаттестат, вещевой аттестат, ещё какие-то формуляры. А снизу красная книжечка тиснёной кожи со звездой. Открыл и в самом натуральном смысле потерял дар речи. Удостоверение гласило, что я являюсь инспектором НКО и Генштаба с самыми широкими полномочиями. До снятия с должности командиров дивизионного звена. И подписи:

Председатель президиума Верховного Совета СССР – Калинин М.И.

Нарком обороны СССР – Ворошилов К.Е.

Начальник Генерального штаба РККА – Шапошников Б.М.

Начальник Главного политуправления РККА – Мехлис Л.З.

Подписи Сталина не было, но и без того такому документу удивился бы сам Господь Бог, а его архангелы удавились бы от зависти. Я посмотрел на Сталина и Берию. Они явно ждали моей реакции. Ну, нельзя же не оправдать ожидания.

– Товарищ Сталин, я вроде бы командир батальона, так зачем это? Я благодарен за доверие, но зачем?

– А с этим документом, товарищ майор, вам проще и нам спокойнее. Мы ведь не просто так вас назначили командиром батальона. Его и нет ещё. И бригады нет. Вы должны сформировать батальон, пользуясь своими знаниями, а мы, на его основе, сформируем бригаду. Так что этот документ вам не повредит. И ещё. В одной из своих записок вы говорили о создании в армии общей службы контрразведки. Называли её «СМЕРШ». Это название, конечно, несколько преждевременно… но. Познакомьтесь – уполномоченный «СМЕРШ» вашей бригады, капитан госбезопасности Голубев. Вплоть до сформирования бригады – ваш заместитель.

Теперь пришла очередь удивляться Серёге. В дверь он вошёл старшим лейтенантом. Ну, ему явно не впервой.

– Служу трудовому народу! – он вытянулся, только что каблуками не щёлкнул.

Штабс-капитан, блин.

– Ну что же, товарищи, если у вас нет вопросов…

– Товарищ Сталин, я тут кое-что вспомнил, разрешите доложить.

– Ну, давайте, товарищ майор, докладывайте. – Сталин явно наслаждался ситуацией превращения «неизвестной породы зверя» в нормальную человеческую ипостась.

– Первое. Вы сказали, что мои записи приняты во внимание и по ним ведётся работа. У немцев агентура работает отлично, так что они эти изменения заметят. А значит, 22 июня – это не факт. Сейчас Гитлер занят Европой. Дания,

Голландия, Бельгия, Франция, Англия. Остановиться он не может. До зимы у него не будет сил. А зимой немцы в Россию не полезут, будут ждать тепла и сухих дорог. Но, значит, уже с апреля их можно ждать.

Второе. При поступлении в войска нового оружия прошу, прежде всего, направлять его в десантные бригады. Особенно «ППС», гранатомёты Таубина и крупнокалиберные пулемёты. Объясню причину. На сегодня их вооружение – самозарядки Симонова и Токарева и пара 45-мм пушек. Никакой огневой мощи. А ведь им прямая дорога в тыл врага. И огневой поддержки не попросишь.

Третье. С 15 по 21 июня, в соответствии с приложениями к пакту Молотова – Риббентропа, наши войска войдут в прибалтийские страны. Если аналогичные действия в Западной Украине и Буковине были достаточно удачны, то тут всё иначе. До самого распада СССР эти страны будут считать себя оккупированными Красной Армией. И даже спустя сорок лет многие прибалты считают русских врагами. Так может, стоит подождать, пока их займёт Германия? И объяснит им их место? А уже потом ОСВОБОДИТЬ?! А пока занять службу внешней разведки засылкой агентуры и вербовкой агентов среди местных коммунистов?

Четвёртое. В моей истории сейчас готовится замена званий комбриг, комдив и командарм на генеральские. Это значительно упростит табель о рангах. В конце года изменят звания младшего командного состава. А в середине 1943 года введут погоны и вернут понятие офицер, рядовой и матрос. Вот я и думаю, а надо ли это всё растягивать на три года. Правда, это только для размышления.

Сталин хмурился.

– Погоны, офицеры. Это что, возвращение к царским регалиям?

– Никак нет, товарищ Сталин. Для молодого поколения это сохранение славных традиций русской армии. Никто ведь не предлагает награждать наших бойцов Георгиевскими крестами. Но те, кто в боях с врагами России получил эту награду, разве не достоин уважения? Ну а слово «офицер». Не стали же переименовывать инженеров и адвокатов, судей и прокуроров? Не слово красит человека. А советский офицер – не царский золотопогонник. Он часть народа и будет ему служить.

Сталин расхаживал по кабинету. Берия что-то записывал в блокнот. Наконец Верховный повернулся.

– Отправляйтесь по назначению. Товарищ Голубев вам поможет. А про то, что вы сказали, мы подумаем. Не будем спешить. Желаю успеха. До свидания, товарищи.

4

Мы стояли на краю поля и мысленно матерились. Иногда некоторые из выражений прорывались наружу. Тогда стоящий в нескольких шагах от нас пожилой капитан из комендатуры вжимал голову в плечи и ёжился. Так продолжалось уже минут десять. В километре, приблизительно, от нас виднелись ангары и служебные постройки полка ТБ-3. За спиной тянулся то ли одичавший сад, то ли неухоженная роща. Правее, в пяти сотнях метров, начинался лесной массив.

Лес, роща и полк бомбардировщиков ограничивали в основном расположение нашей бригады, а в данный момент моего батальона, куда мы с Серёгой прибыли на три дня раньше срока. Специально, чтобы осмотреться. Вот и осматриваемся. Всё началось с утра, когда мы спрыгнули с проходящего поезда на станции этого городка, в сотне километров от Москвы. Выяснив на вокзале, где находится штаб гарнизона, направились прямо туда.

В приёмной начальника гарнизона нас встретил молоденький лейтенант. Самого начальника ещё не было. Он появился только через полчаса. Я помню, в моё время говорили, что в армии царила атмосфера страха. Все боялись всего. А тут зашёл этакий вельможа в звании комбрига. На нас не взглянул, даром, что стоят майор и капитан в лётной форме, и прошёл к себе. Минут через пять зазвонил колокольчик, и лейтенант юркнул в кабинет. Видимо, он докладывал о нас слишком настойчиво, так как за дверью несколько минут раздавался начальственный рык, а потом взъерошенный лейтёха вылетел в приёмную. По внутреннему телефону вызвал нашего нынешнего сопровождающего и передал приказ доставить к месту назначения. Вот мы и приехали.

С момента, как Верховный сообщил о моём назначении, прошло больше месяца. И почти всё это время мы провели в разъездах. На следующее утро после моего «дня рождения» нас снова вызвали на дачу и приказали присоединиться к группе старших командиров НКО, проводивших плановую инспекцию частей РККА. Уже через пару дней я понял, какой Сталин умница. Всё прошедшее время я жил взаперти, читал, конечно, газеты, но жизни не видел. Ох, и наломал бы дров, не соверши мы эту большую прогулку.

А так. Присмотрелся, пообмялся, научился говорить с людьми, не попадая впросак на каждом слове. Ну и, что не менее важно, снова ощутил себя не просто военным, но командиром. Всё это время Сергей был со мной. Помогал, объяснял. Был за няньку. Ну, скорее всего, и за конвоира. Одевался он в такую же лётную форму, со знаками различия капитана. Хотя, на самом деле, должен был носить знаки подполковника. По закону звания госбезопасности переводились в армейские на два выше. Так что сержант ГБ был лейтенантом, ну а капитан, соответственно, подполковником.

За это время мы крепко подружились, а, кроме того, я окончательно понял, что он в курсе моих похождений. И рядом с ним можно не прятаться. А это очень большой плюс. Не завидую кинозвёздам – всю жизнь играть роль… Но это всё лирика, а что делать сейчас? По всем правилам тут должен быть комплекс зданий. Штаб, казармы, склады. Должен быть, но нет. Сергей повернулся к капитану-комендачу.

– Товарищ капитан, это ошибка? Нам нужно прибыть в расположение 301-й воздушно-десантной бригады. Через три дня, в соответствии с приказом, прибывает инженерная рота. Через десять дней штаб и основной командный состав. Через месяц – личный состав с техникой и вооружением. И что с ними делать? Тут же даже ограждения нет.

Серёжа начал закипать, а зря. Комендач явно был не в курсе. Ему приказали доставить туда-то, он доставил. Всё. Бить морду надо начальству, а оно сидит в штабе гарнизона, да ещё, может быть, в горкоме партии. Всё это время откуда-то сзади справа раздавалось тарахтение. Вроде мотоциклетного. Я повернулся и пошёл на звук. Шагов через тридцать открылась интересная картина. В глубине этой полурощи-полупарка стояло двухэтажное здание. Если бы не несколько вычурная архитектура, можно было бы принять его за школу. Ближе к нам находился сарай, возле которого группа ребят суетилась вокруг старенького «У-2». Он и издавал это самое тарахтение.

– Капитан, это что? – мой голос звучал весело, ситуация становилась откровенно смешной.

– Так, товарищ майор. ОСОАВИАХИМ здесь, лучший в области. Даже самолёт им выделили, в награду.

– И что они собираются с ним делать?

– Не понял, товарищ майор?

– Как только мы поставим забор, места для взлёта у них не будет. И через лес его не протащишь.

– Какой забор? – Капитан попался какой-то туповатый, он ещё и удивляется.

– Здесь территория воинской части. Или вы думаете, мы им взлётную полосу между казарм проложим? Что тут у вас вообще происходит!?

Я зашагал к входу в здание. На ходу прикидывая. Судя по виду и размерам, для штаба бригады в самый раз. А уж для батальона тем паче. Сарай-ангар будет служить складом. На первое время. Сидящий на входе паренёк, в большом, не по росту, комбинезоне, при виде нас вскочил.

– Здравия желаю, товарищи командиры.

– Здравия желаем. Можно нам тут осмотреться?

– Конечно, проходите. Наш клуб первый в области.

Мальчишка повторил слова капитана.

– Наш планер в Коктебеле занял четвёртое место.

Парнишка стал даже выше ростом от распиравшей его гордости. Извини, пацан, через пару часов ты будешь нас ненавидеть, но так надо.

Мы шли по коридорам, заглядывали в комнаты, здоровались, слушали восторженные объяснения и шли дальше. После первых же моих вопросов о размерах комнат и их количестве Серёжа всё понял и молчал. Ему было тяжелее, он ведь и сам был таким пацаном, в детстве. В моё время занятия в кружках ДОСААФ такого воодушевления уже не вызывали. Так мы дошли до зала, где сидели несколько девушек в возрасте от 13 до 20 лет. Они что-то шили.

Наш провожатый стал объяснять про обшивку для нового планера. На его голос одна из девушек постарше обернулась. Моё сердце стукнуло и остановилось. Что-то, видно, было у меня на лице, так как девушка смущенно улыбнулась, и моё сердце рухнуло в желудок. Она не была копией Галины. Волосы тёмно-каштановые, а не русые. Лицо более тонкое. Глаза зелёно-карие, а не голубые. Но сочетание – меня просто в дрожь бросило, до чего похожа. И эта улыбка. Улыбка Софии Ротару, от которой у меня всегда перехватывало дыхание.

– Здравствуйте, товарищи командиры.

Она говорила с лёгким акцентом. И очень знакомым акцентом…

– Бонжур, мадемуазель. Же нё мё тромпэ па? Парле ву франсэ?

– Уи, ву завэ бьен лю. Жесви франсез.

Поскольку остальные хлопали глазами, мы снова перешли на родной всем русский.

– Вы прекрасно говорите по-русски. Давно живёте в нашей стране?

– Почти четыре года. Родители были в Испании. Отец погиб, а маме удалось вывезти меня сюда. А где вы учились французскому?

– В основном дома. Соседка учила, учительница французского языка. Я его с детства люблю, певучий язык, почти как украинский. Разрешите представиться. Майор Доценко. Георгий Валентинович. А это мой друг и сослуживец Голубев Сергей Михайлович. Рады знакомству.

– Натали. Наталья Габриэлевна Лефёвр. Я тоже рада.

– Что же. Не будем вам мешать.

Через пять минут мы уже катили назад в гарнизон. Минут через десять Серёга ткнул меня в бок.

– Слышь, майор, это что было? Мы тут по делу, а не девушек охмурять.

– Да ладно, Серёга, какое охмурять. Просто похожа на одну знакомую. Ну, из той жизни. Вот и ошалел слегка. Лучше скажи, идею понял?

– Понял, понял. Хочешь у детей клуб отобрать. И как тебя эта красавица потом встретит?

– Козёл ты, хоть и капитан. Молчи лучше, мне нужно подготовиться к очень серьёзному разговору.

– Молчу.

До штаба гарнизона мы доехали молча. Так же молча мы прошли через проходную, поднялись в приёмную и, не глядя на вскочившего адъютанта, вошли в кабинет. Начальник гарнизона отдыхали. Полёживали на диванчике в расстёгнутом кителе и с газетой в руках. На звук открывшейся двери он лениво поднял голову и вскочил, начальственно багровея на глазах. Тон он сразу взял на октаву выше нормального.

– Вы что себе позволяете?! Лейтенант, вызовите охрану, арестовать этих молодчиков. Я вас…

Я молча достал красную книжечку и показал комбригу. С минуту до него доходило, что там написано и чьи подписи стоят. А потом он стал белее нательной рубахи. И связки у него заклинило, так что сказать он мог только «Я…Я…Я…». В кабинет ворвались трое солдат во главе с лейтёхой, но комбриг замахал на них руками, и они испарились, как не было.

– Товарищ комбриг, приведите себя в порядок и давайте обсудим создавшееся положение.

Начальник гарнизона торопливо застегнулся и встал навытяжку.

– Как вас зовут, товарищ комбриг?

– Островой Павел Павлович.

– Так вот, Павел Павлович. Успокойтесь и объясните мне сложившуюся ситуацию. Через три дня начнет прибывать личный состав 301-й воздушно-десантной бригады. Где я должен их размещать? Наверх вы доложили, что всё готово, а тут даже территория не огорожена. И на ней расположен аэроклуб. Как прикажете это понимать?

– Товарищ майор, вы поймите. Нет у меня средств. Сказали, к 1 мая должно быть готово. Я подумал, к дате хотят доложить, а прибудут хорошо если в июне. А у меня тут завод строится, патронный. Вместе с немцами. Патроны будем делать по их образцу. Сил нет, людей нет, техники в обрез. Думал, к концу апреля завод добьем и за вашу часть возьмёмся. А получилось вот как.

– Завод – это хорошо. Быстро раскрутились, слышь, капитан. А что касается моей части… У вас какие отношения с обкомом партии?

– Хорошие отношения, рабочие.

– Вот и отлично. Звоните первому секретарю, назначайте встречу. Вопрос – передача здания аэроклуба 301-й десантной бригаде, помощь партийной организации в оборудовании территории. Вопрос размещения командиров и их семей. Срок начала всех работ – вчера. Здание аэроклуба освободить к завтрашнему утру. Через три дня должно быть готово место для приёма 120 человек инженерной роты и их техники. Вопросы есть?

– А куда же аэроклуб, товарищ майор? В нём, почитай, все наши подростки участвуют. Куда же их?

– Этот вопрос согласуйте с обкомом. Найдите место. И ещё, размещение командиров начните с нас. Хотя нет, это мы решим с вашим адъютантом, не зря же он там сидит. Давайте работать, Павел Павлович.

Мы вышли из кабинета. Закрывая дверь, я заметил, как комбриг бросился к телефону. Лейтенант был явно впечатлён, так как чётко доложил, где можно пообедать, предложил сопровождающего и, молодец какой, поинтересовался, где нам искать жильё. Ближе к центру или к расположению. Получив ответ, что к расположению и можно, для начала, одну комнату на двоих, снял трубку. А мы пошли «заправляться». Поскольку последний раз мы ели ещё в поезде, это заняло чуть больше времени, чем обычно. Что-то около часа. Выйдя из столовой, мы обнаружили мнущегося лейтенанта и машину.

– Товарищ майор, начальник гарнизона просит вас подъехать в обком.

Физиономия у парня была такая расстроенная, что прямо жалко стало. Ну, сели, поехали. В обкоме нас проводили к кабинету первого секретаря. За дверью было подозрительно тихо. Мы постучали и вошли. Комбриг и секретарь стояли у окна, оба как из бани. То есть морды – хоть прикуривай. А у стола стоял гражданин, нашего примерно возраста, с тубусом под мышкой и какими-то бумагами в руках. Комбриг представил нас, секретарь представился сам: Егоров Алексей Кузьмич. Спохватился, и, глядя на парня у стола, как на незваного гостя, представил и его: Наш главный специалист по строительству Пушкин Александр Сергеевич.

Парень тут же откликнулся.

– Не родственник.

Я среагировал на полном автомате.

– Ага, и даже не однофамилец.

Уже и не помню, в каком фильме я услышал эту шутку. Но она оказалась к месту. Народ заржал как сумасшедший, а дальше разговор пошёл хоть и не просто, но зато мирно. Секретарь начал с того, что и начальник гарнизона – людей и средств нет. Все, кто есть, заняты, и тоже срочным оборонным заказом особой важности. А отобрать у детворы аэроклуб – это вернуть их в подворотни. Короче, амба. Или полный алес. В общем, как хотите, а что делать, непонятно. Пока мне всё это объясняли, я рассматривал висящую на стене карту. И кое-что заметил.

– Алексей Кузьмич, подскажите. Это на карте лётный полк, так? Это моя территория, так? А вот тут, между лётчиками, городом и нами – что?

– Да ничего, пустыри. Раньше там лабазы стояли, ну склады торговые, с дореволюционных времён ещё. Потом они погорели, а рядом расположился бомбардировочный полк, и место как-то забросили.

Пушкин, который «не однофамилец», насторожился. Молодец парень, усёк. Явно не понимает, в чём дело, но чувствует, что вопросы неспроста.

– А вот тут, выше – это лагерь? Вот тут? Уголовные или политические? Чем занимаются?

– Есть и те и другие. А занимаются гидрологическими работами.

– А связи с управлагом есть? Можно будет договориться о рабочих для строительства?

– Товарищ майор, эти люди осуждены за измену Родине. А у вас оборонный объект.

– А я не про оборонный объект думаю. Ну-ка, смотрите. У меня в батальоне 30 командиров. В бригаде их будет больше ста. У лётчиков тоже около того. Да и в гарнизоне и у НКВД ещё столько же. И где они все живут? Отвечаю – кто где. У меня есть идея, и, голову даю на отсечение, товарищ Пушкин уже знает, что я хочу предложить. Ну, Александр Сергеевич, смелее.

– Вы говорите о командирском городке. Комплекс домов, в которых будут жить командиры и их семьи.

– Точно. И не только дома. Школа, магазин, клуб армии, кстати, при нём тот же аэроклуб. Насколько мне известно, таких ещё нет. Вы будете первыми, поверьте, это оценят. Только никаких коммуналок. У каждой семьи своя квартира. Военные всё время проводят среди множества людей и шума, это часть профессии. Так пусть хоть дома будут в тишине. А?

Егоров и Островой оторопело смотрели на меня и друг на друга, а Пушкин… Пушкин торопливо доставал из тубуса лист ватмана с планом. А на плане был самый натуральный микрорайон. Где-то на 500 квартир. Всё как я сказал, школа, магазин, детская площадка. Парень опередил своё время лет на двадцать пять. А поскольку я о таком знаменитом градостроителе не слышал, его явно не поняли. И строил он, если строил, точно не города.

– Слышь, Александр Сергеич, ты гений, тебе говорили? Готовь проект, сам в Москву повезу, если другие откажутся. Я же только думал об этом, в общих чертах, а у тебя всё продумано и просчитано. Алексей Кузьмич, а для таких работ дадут людей из ИТК?

– Для таких дадут, конечно. Ты, Александр Сергеевич, зайди ко мне, позже. Приноси все бумаги, посмотрим, что делать. Да только это потом. А сейчас, что сейчас делать будем? С казармами и остальным?

– А сейчас будем освобождать аэроклуб. Мне нужна одна бригада строителей, которая подготовит место для инженерной роты. Да, кстати, поставить забор и прорубить просеку к штабу – это тоже могут делать люди из лагеря. Во всяком случае, можно попробовать. Всё. Работы должны начаться не позднее завтрашнего утра.

На поиски стройбригады, разговоры с начальником строительства нового завода, с райкомом ВЛКСМ и другими организациями ушёл остаток дня. Поздно вечером, если так можно определить время после одиннадцати, нас отвезли домой. По дороге объяснили, что комната одна, но большая. Соседей не много – пара пенсионеров, очень известные в городе люди, муж – врач и жена – первая учительница городской школы. Ещё мать с дочкой, обе работают в больнице. Комната действительно была большая. В ней был шкаф, был стол и был диван. Посреди комнаты стояла раскладушка. Постельные принадлежности лежали «в головах». За нашими спинами открылась дверь в комнату соседей и тут же захлопнулась. Думать, что к чему, и удивляться не было сил. Через двадцать минут мы с Серёгой спали как убитые.

Подъём был ранний. Дел было невпроворот, так что пять утра – это по-божески. Пока все спали, мы воспользовались санузлом без очереди. Прелесть, в туалете, на стене, висели два стульчака. Никаких следов туалетной бумаги не было, видать, каждый приносил сам. Пахло какой-то чистящей дрянью, и я решил, по-свободке, сгонять на рынок, купить душистых травок у старушек. Чисто для

запаха. В ванной была собственно ванна, вполне ухоженная, надо признать, и зеркало с полочкой под ним. Похоже, всё своё придётся носить с собой. Завтрак нам должны были подвезти к аэроклубу, так что соседей мы так и не увидели. В пять тридцать мы уже садились в машину.

Возле аэроклуба кипела жизнь. Самолёта уже не было, возле сарая стояло несколько телег, а возле самого здания раздолбанный грузовичок. Половину помещений уже освободили (они, что, с ночи тут пашут?), и в них работали строители. Гениальный Пушкин, с красными от недосыпа глазами, что-то втолковывал бригадиру, держа в руках и под мышкой несколько листов чертежей. Дождавшись окончания разговора, я спросил, где будет дорога к штабу.

Мы пошли вокруг здания. В целом планировка меня устраивала. Сарай был несколько лишним, но пока сойдёт. А вот в 50 метрах сзади и слева от основного здания обнаружилось длинное заколоченное строение, явно одного с ним возраста. Позвали рабочего, отодрали доски с дверей-ворот. Пол был земляной. С другого конца – такая же дверь. Стойла отсутствовали, значит, это не конюшня, но вполне похоже на манеж. Стены и потолок оказались в порядке – подлатать крышу, настелить полы, и готова казарма для инженерной роты. По ходу дела договорились с Пушкиным быть на «ты». Так что Саша пошёл искать рабочую силу, а мы остались заканчивать рекогносцировку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krol_georgiy/korrektirovschik-blickriga-ne-budet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить